

ИЛЬИНКА СКВОЗЬ ВЕКА

РЕВНИТЕЛИ
БЛАГОДАТНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Попечительский совет

Е. М. Примаков, Президент Торгово-промышленной палаты РФ,
А. П. Колмаков, Первый заместитель Министра обороны России, генерал-полковник,
В. А. Шаманов, Командующий Воздушно-десантными войсками, генерал-лейтенант,
С. А. Байдаков, Заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы

*Церковь Ильи пророка
на Новгородском
подворье.
Начало 19 в.*

Детство будущих иерархов

В этом году очередной выпуск издания «Ильинка сквозь века» посвящен судьбам двух братьев, выросших на Ильинке, в приходе храма Ильи пророка на Новгородском подворье, — выдающихся русских иерархов Варлаама и Гавриила Петровых. Они жили в XVIII в. и оба прошли долгий и нелегкий путь. Их труды на благо Церкви высоко оценены потомками, и старший из братьев, Варлаам, прославлен в лике святых. Братья не стремились к чинам и славе и, находясь на высоких иерархических ступенях того времени, оставались монахами-аске-

*«Бог явился на.и
во плоти, дал на.и свет
и разум; не то просвещение,
которое составляет
.мудрование развращенных.
но свет и разум, который
приводит нас к престолу
славы Творца веков...»*

Митрополит Гавриил

тами, терпеливо и смиренно неся возложенный на них крест. Биография митрополита Гавриила хорошо изучена, поскольку он был первенствующим членом Синода и почти тридцать лет провел при дворе. Его фигура привлекала внимание современников, оставивших многочисленные отзывы, а в начале XX в. профессором духовной академии Б. Титлиновым был написан солидный академический труд «Митрополит Гавриил Петров: Его деятельность в связи с церковными делами того времени», в котором всесторонне изложена деятельность владыки на церковно-административном поприще. Жизнеописание святителя Варлаама, напротив, весьма скупо, поскольку он провел большую часть жизни вдали от столиц. Мы расскажем о жизни и служении обоих братьев, и особенно об их христианском и монашеском подвиге, который начинался еще в детстве, на улице Ильинке.

Братья выросли в переломное время. Они родились в среде духовного сословия и с детства напитались благодатью церковных Таинств и древнего русского благочестия. Но в центре шумного города, рядом с торговыми рядами и гостинными дворами, они каждый день сталкивались и с другой стороной жизни, которая бесцеремонно разрушала прежний патриархальный уклад.

Петровская реформа начала XVIII в., по выражению известного историка Православной Церкви Е. Е. Голубинского, «представлявшая собою перенесение к нам с Запада, так сказать, еретичества государственного и бытового»¹, низводила Церковь на уровень одного из государственных органов — как бы министерства, отвечавшего за нравственность граждан.

Навязывая Церкви не свойственные ей полицейские функции, правительство старалось устранить всякие расходы казны на нужды духовного сословия, производившиеся прежде. В Москве это особенно сказалось на материальном положении приходского духовенства, поскольку многие храмы исстари были «царевым богомольем» и получали ругу. При Петре ружные дачи на церкви резко уменьшились, при этом увеличились повиннос-

*Вид на Воскресенские
ворота Китай-города.
Акварель.
1800 г.*

ти и сборы, которые духовенство несло наравне с другими сословиями, а иногда и сверх того, как, например, сбор на драгунских лошадях. Московский клир наравне с горожанами нес также обязанности, «неприличные его сану»: рогаточные караулы, полицейские наряды и посылки. Церковники высылались на караул не только в обычные, но и в праздничные дни, назначались дневать и ночевать (дежурить) на съезжие дворы, посыльными к офицерам, в качестве стражников к колодникам, на ночные дозоры, пожары и другие общественные работы, иногда «во время службы церковной». За неявку следовало жестокое наказание. В документах того времени встречаются постоянные жалобы причтов, что «таскают их на съезжие дворы безвременно с поруганием, и готовящихся к святой литургии священников и дьяконов до того не допускают, а церковников, во время божественной службы и от благовесту взяв, держат за караулом в нетопленных палатах скованных и бьют, отчего в священнослужении и мирских трудах происходит остановка и помешательство; да к ним же ставят в дома солдатские посты и тем чинят им не только обиды, но и разорения»².

Хотя царь Петр вовсе не был неверующим, почитал Божию Матерь и церковные праздники, любил церковное пение, имел хороший тенор и сам частенько вставал на клирос вместе с певчими, но многие из москвичей начала XVIII в. называли его не иначе как антихристом и готовились к наступлению последних времен. Император лишил их патриарха, насмеялся над монашеством, почитавшимся в народе «ангельским чином», издевался над проявлениями народной веры. Весь уклад жизни менялся, традиционные нормы благочестия открыто попирались. На глазах православного духовенства Петр и его «всешутейший собор» устраивали глумливые кутежи, вызывая страх и негодование богомольной столицы.

Вскоре наступило не менее страшное время правления Анны Иоанновны, оставившее по себе особенно недобрую память, в церковной среде. Прямолинейная и недальновидная деятельность Кабинета министров в духе протестантизма часто приводила к результатам печальным и неожиданным для самого правительства. «Бироновщина» опустошила ряды причта и разорила сотни церквей. Белое духовенство, и при Петре немногим отличавшееся от крепостного сословия, при Анне выпило чашу горести до дна. Никто не чувствовал себя в безопасности из-за постоянных доносов, поощрявшихся Тайной канцелярией. Беспощадно взыскивались незначительные упущения в поминании власти и служении в особые царские дни, а также любое неосторожное слово. «Сегодня у алтаря — завтра расстрига в железных оковах, заклеянный, изувеченный, или солдат, ссыльный поселенец в Сибири, каторжник горных рудников. Несчастные насчитывались сотнями, а военную службу извели тысячи»³. Наказание духовенства плетью стало обычным и применялось за малейшие проступки. Регулярные «разборы» детей причта, которых забривали в солдаты, подрывали и без того незавидное положение духовного сословия, где царили бедность и бесправие.

Любое начинание правительства в духовной сфере приобретало уродливые формы. Борьба с суевериями выражалась в искоренении «ложных мощей и чудес», засыпке «святых кладезей», взятии под караул «кликуш, юродивых, босых и с колтунами» и ссылкой их

*Императрица
Анна Иоанновна.
Живописец П. Каравак.
1730 г.*

в Сибирь или солдаты, чтобы «таковых шатающихся в праздности, которые не хотят трудами хлеб получать, отнюдь не было»⁴. Все это воспринималась простым народом как неоправданная жестокость и попрание святых, особенно в Москве, которая истари славилась особо милостивым отношением к убогим.

С воцарением Анны Иоанновны из-за подозрительности правительства присяга императрице была проведена дважды, и потому без всякого злого умысла среди причта и его детей (которые должны были присягать с 8 лет) оказалось множество не присягнувших во второй раз. Во время следствия пощады не было никому: виновных били кнутом, расстригали и отдавали в солдаты. Количество не присягнувших было огромным. За детей моложе 12 лет «спиной» расплачивались их отцы. В марте 1738 г. из Москвы доносили в Синод, что «ежели... не бывших у присяг... всех отдать в <военную> службу, то при многих церквах церковников никого не будет»⁵.

В это время, в 1729 и 1730 гг., родились в Москве, в семье синодального иподиакона Петра Федорова и его жены Параскевы Семеновы, сначала сын, названный Василием, а спустя чуть более года – в Духов день, пришедшийся на 18 мая, – второй сын, названный по святым Петром⁶.

* Дата рождения Василия неизвестна, а день рождения Петра указывают одинаково все источники.

4	иподиакона Петра Федорова		
37	иподиакона Петра Федорова	75	} и
38	сына его Петра Федорова	40	
38	Василия	23	
39	Петра	12	
40	Петра Федорова	7	
41	Петра Федорова	16	} и
	Петра Федорова		

Исповедная ведомость церкви Ильи пророка за 1744 г.

Семья Петра Федорова (как и других синодальных иподиаконов и певчих) находилась в более выгодном положении, чем большая часть духовного сословия, благодаря своей близости ко двору и некоторым сохранившимся у них старинным привилегиям. Но они жили среди московского клира и знали о неисчислимых бедствиях простого духовенства. Это наложило особый отпечаток на весь уклад их жизни, о чем свидетельствует характерная деталь: в исповедных ведомостях прихода Ильинского храма, к которому относилась семья, возраст сыновей занижен на два года. Эта уловка, вероятно, была связана как раз с «делом о присягах».

В соответствии со своей должностью Петр Федоров проживал на Певческой улице, между Богоявленским монастырем и Новгородским подворьем, в одном из пяти каменных корпусов, построенных для патриарших певчих в конце XVII в. по приказанию патриарха Иоакима⁶. Дома были двухэтажными, с отдельными входами в «покои» через сени, в которых находилась и ретирада, и считались по тем временам весьма комфортабельными.

«Покои» в Певчей слободке были «служебным жильем» и распределялись синодальным ризничим между певчими в соответствии с их статусом. Здесь имели право жить причетники, связанные с придворным богослужением и службой в дворцовых московских соборах и именовавшиеся после отмены патриаршества синодальными певчими. В начале XVIII столетия они чуть было не оказались упраздненными вместе с патриаршеством, что грозило их семьям лишением куска хлеба. Их спасла любовь царя к церковному пению: Петр повелел в 1722 г. «всем церковным всякого звания служителям в Московских соборах быть по прежнему, как издревле по усмотрению потребности и до ныне содержатся»⁷.

Певчие истари делились на станицы по своему мастерству и заслугам, а по должностям – на иподиаконов, певчих дьяков и подьяков. По штатам было установлено «в синодальном доме быть, колико ныне числится, иподиаконов 4, певчих 10, подьяков 30»⁸. Иподиаконы являлись старшими среди певчих, получали наивысшее содержание и подчинялись ризничему.

Синодальные певчие стали в XVIII в. хранителями традиции русского церковного пения, тогда как придворный хор из бывших государевых певчих (в допетровское время также участвовавший в богослужении) постепенно становился светским. Придворные певцы под руководством приглашенных итальянских мастеров осваивали европейскую технику пения и репертуар.

В 1713 г. часть бывших патриарших певчих была переведена в Петербург и присоединена к государеву хору, а другая часть осталась не у дел и, после некоторого колебания, была приписана к Успенскому собору. После смерти Петра для всех синодальных певчих началась кочевая жизнь. В течение тридцати лет, сменяя друг друга, они уезжали на год в Петербург отправлять свою череду, оставляя семьи в Москве.

Иподиаконы, обычно по двое, также выезжали на череду в новую столицу, где участвовали в придворных и торжественных богослужениях, возглавляемых членами Синода.

Несмотря на годы реформ, внутренняя семейная жизнь большинства московского духовенства оставалась глубоко патриархальной, и семья Петра Федорова не была исключением.

«Прег-ист жизни вашей есть вечность».

Митрополит Таврииский

Нательный крест. 18 в. Найден при археологических раскопках на территории Певческой слободки

*Будущий инок.
Будожник
Н. Богданов-Бельский.
1889 г.*

Ежедневным обиходным платьем иподиакона, как лица духовного звания, были подрясник и ряса, а на службе в Кремлевских соборах, куда Петр Федоров, несомненно, сызмальства водил своих сыновей, иподиакон облачался в богатый дорогой стихарь.

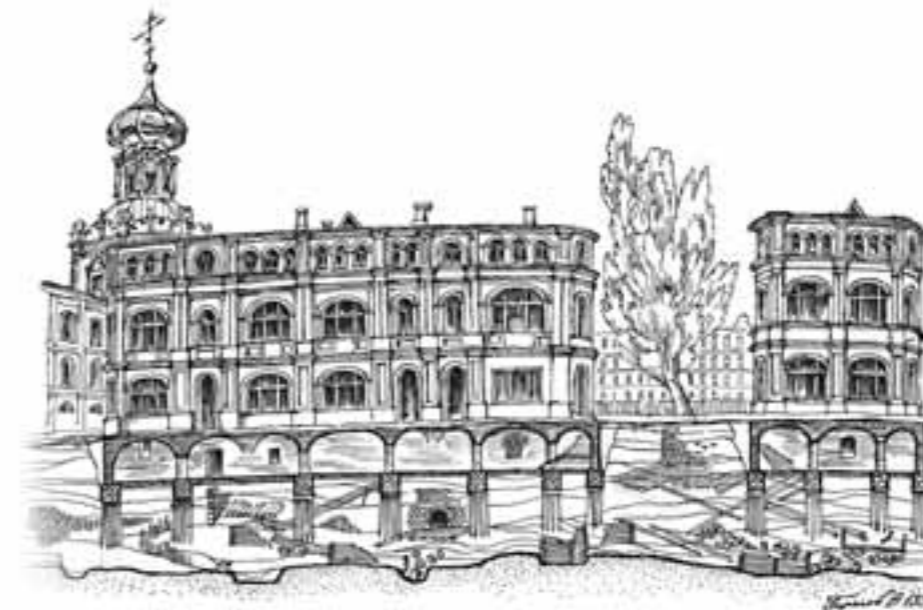
Семья была не из бедных, поскольку иподиакон получал «изрядное жалование» — около 30 рублей, так что мог позволить содержать в доме служителя с женой и работницу⁹. В доходы, кроме жалования, входили и различные «дачи» из казны, например, хлебная и соляная, которые в XVII в. были натуральными, а в петровское время стали выплачиваться деньгами. Получали певчие и «сдельную» плату — за славление в праздники, за отпевание и другие требы, не относившиеся к службам в соборах. Многие из этих дополнительных источников дохода сохранялись до середины XVIII в.

Родители Василия и Петра «отличались добротой души и благочестием» — качествами, которые перешли и к сыновьям. Глубокая вера, приверженность древнему обычаю приема странников и почтение к монашескому званию выделяли их семью даже в среде синодальных певчих. Митрополит Гавриил любил вспоминать, «что... к родителям его все пустынноики хаживали: «Я все слушал, что они говорили — это мне все памятно, — они о монашеских искушениях говаривали»¹⁰. По-видимому, не только разговоры, но и весь строй

жизни семьи способствовал воспитанию высоких христианских качеств будущих иерархов, с юных лет наученных молитве и считавших монашеский путь высочайшим идеалом для христианина, что и заложило основу их будущих подвигов.

Детство братьев Петровых было типичным для семей духовенства патриархальной Москвы. На шестом году от рождения мальчиков начинали обучать азбуке, Часослову и Псалтири, а потом письму. Обучением Василия, а затем и Петра мог заниматься отец, но поскольку он часто отлучался в Петербург, их мог учить приходской священник Петр Антипов или кто-то из сослуживцев отца — синодальных певчих. С ранних лет братья бывали на богослужении постоянно, и к восьми-девяти годам могли не только читать, но и петь в церкви. Они, конечно, не допускались к пению на службах в Кремлевских соборах, но могли петь в своей приходской церкви Ильи пророка на Новгородском подворье. Василий имел хорошие вокальные данные и начал обучаться при отце в хоре певчих синодального дома¹¹, а затем был зачислен в подьяки, что могло произойти в возрасте 10–12 лет. По другой версии, Василий «начал учиться, но ноги у него заболели, и он оставил словесные науки, начал живописью заниматься, и это оставил, и пошел в Невскую Лавру в послушники»¹². Возможно, Василий успел обучиться и пению, и живописи, и даже пожить в Александро-Невском монастыре, учитывая придворный характер этой обители и частое нахождение его отца в северной столице. В 1752 г. в исповедной ведомости Ильинского прихода Василий числится синодальным подьяком, живущим при родителях, а в 1753 г. он уже покинул родной дом¹³.

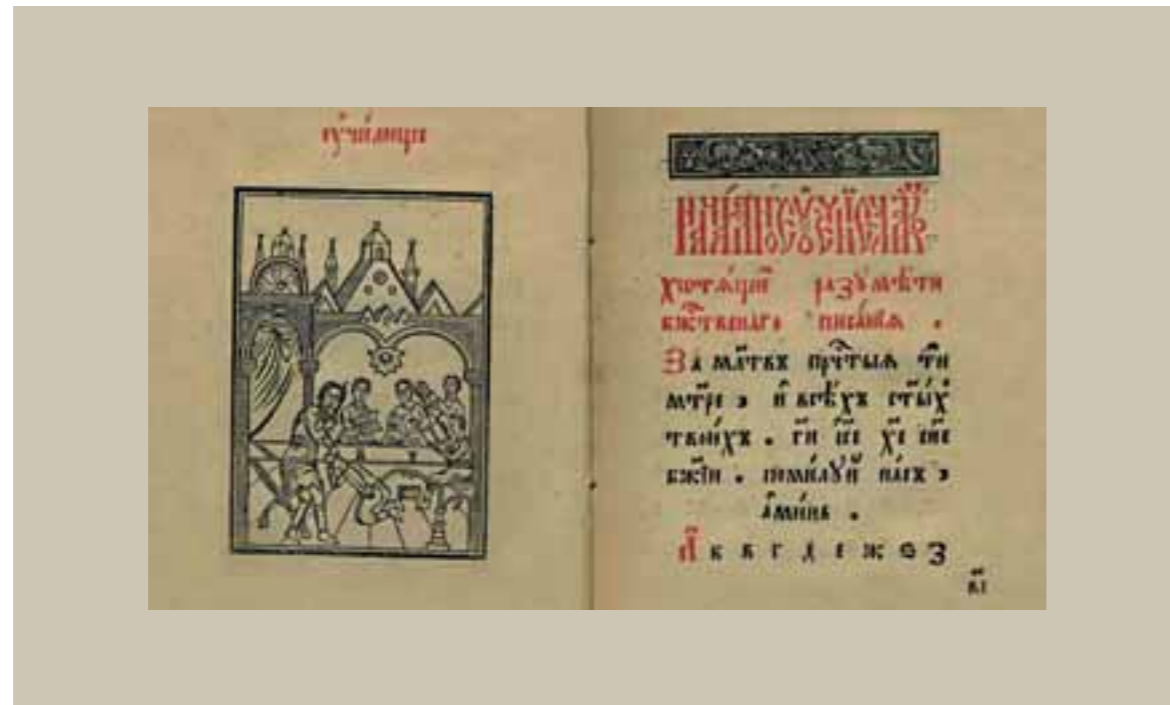
Его младший брат Петр в 10 лет был отдан в знаменитую Славяно-греко-латинскую академию¹⁴, которая находилась в Москве на Никольской улице, неподалеку от Певческой слободки.

*Засконки на месте
Певческой слободки
в Китай-городе.
Рисунок В. Пирогова.
1998 г.*

Годы ученичества

Среди духовенства того времени только единицы обучались в школе. Подготовка ставленников почти до конца XVIII в. происходила по старинке: «учительным священникам велеть обучить заповедям Божиим и преданиям церковным и прочей должности священника... и каждую неделю всех оных имеют сами архиереи экзаменовывать... и кто из них... обрящется достойне чина священничества, тех имеют и посвящать»¹⁵. Большинство клириков, научив чадо читать и писать, не видело смысла в дальнейшей школьной науке, предпочитая держать детей при себе и воспитывать ежедневным посещением храма, пением и чтением на службах. Исстари от священника требовалось только «благообразное житие» и умение совершать священнослужение. В XVIII в. такой тип клирика перестал удовлетворять государство — теперь была необходима «учительность». Обязанность проповеди ставилась на первое место, особенно в Москве, где государыня Анна Иоанновна потребовала непременно говорить проповеди в торжественные и «приличные» дни. Поэтому поступление детей причта в школу было вменено им в обязанность.

«Азбука» Курьева.
1637 г.
Травюра
«Обучение в школе»

Мальчиков в возрасте 10–12 лет отрывали от дома, и школа с ее грубыми нравами и плохим обеспечением пугала не меньше военной службы. Даже на малолетнего ученика смотрели как на человека, обязанного исполнять эту повинность под страхом наказания. «Неявившихся, убылых и беглых» среди учащих было великое множество. Их разыскивали и приводили силой, иногда даже в кандалах, — «для обучения и употребления над ними изображенного в Духовном регламенте искушения». Детям духовенства, всеми способами пытавшимся избежать определения в школу, грозили отрешением от места, отдачей в подушный оклад или в солдаты.

«Бурса» пугала учеников не только жестокостью нравов и наказаний, но и бессмысленностью мучения — обучением на латыни ненужным в повседневной жизни приходского священника наукам. Простым людям казалось, что в «латинской» школе их детям меняют «если еще не веру, то национальность».

Петр Петров оказался в более выгодном положении, чем большинство его соучеников: обучаясь в академии «на своем коште», он проживал дома при родителях, что обеспечивало сытую и спокойную жизнь. В учебе он отличался особым прилежанием, добросовестностью и упорством.

Московская Греко-латинская академия была в то время одним из лучших учебных заведений и представляла собой схоластическую школу, по образцу Киевской академии. Учителями были в основном выходцы из Киева, а учебный курс в общих чертах был сформулирован в Духовном регламенте Петра I. В него входили обычные для тогдашнего времени классы, начиная с фары и кончая богословием. Учеба в среднем занимала 12 лет, но некоторые способные ученики заканчивали и быстрее. Классные занятия состояли в чтении уроков, переводах с древних языков и в приготовлении экспромтов. Знания испытывались на диспутах и экзаменах.

Петр Петров до осени 1741 г. находился в нижней русской школе, а затем поступил в фару, где учили читать и писать по-латыни. В 1742 г. он перешел в класс грамматики, где надлежало изучить русскую и латинскую грамматику, географию и историю и начиналось изучение арифметики и катехизиса; в 1743 г. — в синтаксисму, или высший грамматический класс, где были курсы: латинский синтаксис, катехизис, арифметика, география и история, а также греческий язык. В 1744 г. он перешел в класс пиитики, где преподавалось русское и латинское стихотворное учение и продолжалось изучение греческого языка, в 1745 г. — в риторику, где учили красноречию, в 1747 г. — в философию, где преподавали логику, физику, математику и политику (конечно, не совсем в современном понимании этих слов) и начинали изучать еврейский язык. И наконец, в 1749 г. он был переведен в класс богословия, которое изучал полных четыре года, и окончил академию с «отличным успехом», о чем свидетельствует список выпускников 1753 г.¹⁶

Схоластическая школа не раз подвергалась язвительным насмешкам современников. По словам В. Н. Татищева (который сам учился в артиллерийской школе Якова Брюса, а затем за границей), в Киевской и Московской академиях «язык латинский несовершен», нет

«Азбука»
Кириона Асташина.
1694 г.

*Портрет
Платона Левшина,
митрополита Московского
и Коломенского,
с учениками Вифанской
семинарии.
Художник
М. П. Платонов (?).
Начало 19 в.*

многих нужных книг, ученики классических авторов не читают, а то, что читают, не понимают, следовательно, и в философии успевать не могут. Что касается риторики, «то боле вралями, нежели реторами именоваться могут... зане слоги риторические пустыми словами более, нежели сущим делом наполняют»¹⁷. Но, как ни плоха была схоластическая школа, из нее все же выходили замечательные деятели на всех поприщах. Одновременно с Гавриилом, в Московской академии учились будущие видные иерархи и государственные деятели — архиепископ Иннокентий Нечаев, митрополит Платон Левшин, протоиерей Иоанн Памфилов. Неизвестно, какими были их отношения в школьные годы, поскольку разница в возрасте у них была довольно значительной, но они знали друг друга уже в юности, и в дальнейшем их сотрудничество в Синоде было единомысленным и плодотворным. А выдающийся проповедник Гедеон Криновский, бывший два года соучеником Петра Петрова в богословском классе, сыграл в его жизни важную роль.

Как лучшему студенту, Петру по окончании курса предложили место учителя. Но это было обязательно сопряжено с принятием монашества, и он решительно отказался и несколько месяцев жил без службы при родителях.

Его первый жизнеописатель Антоний Знаменский объясняет это настроением самого Петра, который, «конча курс, не хотел жениться, а вести уединенную жизнь, не вступая в монашество. Посему хотел испросить себе место просвирническое, чтоб иметь маленький кусок хлеба и быть при церкви»¹⁸. Однако выпечка просфор была издревле привилегией вдов лиц духовного звания. Петр не мог не понимать, что такое занятие не является подходящим для закончившего академию. Епархиальное начальство зорко следило за выпускниками, стараясь использовать образованных людей. Поэтому более вероятно, что Петр оставался при родителях по болезни своей матери Параскевы Семеновы, умершей, судя по исповедной ведомости Ильинского прихода, около 1754 г. Отчасти с заботой о родителях было связано и нежелание Петра принимать постриг, ведь его брат Василий в 1753 г. уже находился в монастыре.

Была и еще одна причина его отказа от принятия монашества. Привитое с детства высокое отношение к иночеству не позволяло будущему митрополиту легко согласиться на столь ответственный шаг. Петр колебался в избрании пути, хотя уже в те годы вел уединенную жизнь, занимаясь главным образом чтением книг и молитвой. Впоследствии, приняв волю Божию, он «тем искреннее покорялся ей во всем и непреткновенно проходил путь жизни, указанный ему Промыслом»¹⁹.

В феврале 1754 г. Петр Петров подал прошение в Синод: «Обучался я имянованный в... московской академии без получения Ея Императорского Величества жалования, и минувшаго 1753 года богословское учение окончил, а к месту никакому еще не определен. Того ради Святейшаго Правительствующаго Синода всепокорно прошу определить меня... в московскую типографию справщиком»²⁰. На это прошение последовало синодальное определение: «Оному студенту Петрову до указа и впредь, до усмотрения ему по науке ево надлежащего места, в московской типографии справщиком быть»²¹. Отсюда видно, что начальство и справщическую должность не считало соответствующей образованию Петра и смотрело на нее как на временную перед учительской или священнической.

*Бронтон
Синодальной типографии
на Никольской улице
в Москве*

Как новоопределенный, Петров получал самое низкое жалование в 70 рублей, но обязанности на его долю выпали серьезные. Он стал помощником ректора Троицкой семинарии Гедеона Сломинского, которому было поручено исправление опечаток в славянской Библии 1752 г. В 1756 г. Петр подал просьбу об увеличении жалования и получил от типографской конторы хорошую аттестацию: «Справщик Петр Петров... в должности справщической обретается при поступках честных со всяким трудолюбием... Сверх же того неоднократно от типографской конторы послан был в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру к соборному иеромонаху и тамошней семинарии ректору... где употреблялся в немалых трудах же со оным ректором несколько времени»²². В 1757 г. исправление Библии подходило к концу, и Петра Петрова велено было определить учителем пиитики в академию с условием принятия монашества. Он вновь отказался, и выбор пал на его младшего товарища Петра Левшина²³.

Но и Петрову не удалось избежать предначертанного ему пути. Виновником этого стал его старший однокашник Гедеон Криновский. За прошедшие годы он совершил быструю

*Храм и
Космы и Дамиана
в Старых Панех*

карьеру: стал придворным проповедником, членом Синода и архимандритом Троице-Сергиевой Лавры. Архимандрит Гедеон был человек добродушный, «свойства был весьма горячего, сердца открытого... и даже от тех, кои не любили его... похваляем был за добро-сердечие»²⁴. Всякого талантливого человека он старался привлечь к труду на благо Церкви. В апреле 1758 г. архимандрит Гедеон (возможно, и без всякого согласия со стороны Петра) сделал представление в Синод о переводе Петрова из справщиков в учителя риторики лаврской семинарии²⁵. Но, по мнению биографов, архимандрит предназначал однокашника на освобождавшееся место ректора семинарии.

Тому, что Петра удалось уговорить вступить на учительское поприще и решиться на монашеский путь, способствовали и жизненные обстоятельства. К этому времени скончался его отец Петр Федоров (около 1758 г. он исчезает из исповедных ведомостей своей приходской церкви Ильи пророка и из списков иподиаконов). Он умер еще до монашеского пострига сыновей и был погребен рядом с супругой на ближайшем действовавшем кладбище — у церкви Космы и Дамиана в Старых Панех²⁶. Митрополит Гавриил впоследствии направлял в этот храм на поминовение родителей крупные суммы.

*Троице-Сергиева Лавра.
Современный вид*

Принятие монашества

На постриг Петр согласился лишь после троекратного понуждения, когда архимандрит Гедеон заявил, что «больше никаких отговорок принимать не будет». Петр просил разрешения постричься в Лавре, но был вызван в Петербург и там пострижен Гедеоном²⁷ 28 июня 1758 г. в домово́й церкви Троицкого подворья на Фонтанке²⁸. Архимандрит дал ему имя Гавриил — «крепость Божия», в предзнаменование будущей силы и твердости. Через день монах Гавриил был посвящен в иеродиакона Новгородским митрополитом Димитрием Сеченовым и им же 1 июля рукоположен в иеромонаха²⁹ на Новгородском подворье в Петербурге. Возвращаясь в Москву, новопостриженный иеромонах просил у Гедеона наставления, к чему ему готовиться, ожидая должности учителя. «Делай, что заставят», — отвечал ему архимандрит. По прибытии в Троицкую Лавру Гавриил был назначен первым соборным иеромонахом, определен ректором семинарии и учителем богословия, а через месяц — наместником Лавры. Ему было 29 лет.

В день своего определения наместником он совершил и первые постриги: Петра Левшина (будущего митрополита Платона, принятого на должность учителя риторики) и учителя греческого и латинского языков Парфения Постникова³⁰.

Иеромонах Гавриил был третьим ректором семинарии с ее открытия в 1742 г. Гедеон нашел в нем деятельного помощника и исполнителя своих планов устройства семинарии по образцу «знатных академий». Его стараниями количество учеников семинарии значительно увеличилось.

Материальным обеспечением лаврской семинарии распоряжался наместник, т. е. сам Гавриил, и, судя по росписи отпускавшихся припасов, семинария находилась «в полном довольствии и изобилии». Платон Левшин вспоминал, что с ректором Гавриилом он «обходился дружески и почти неразлучно». Такими же дружескими были и отношения ректора с настоятелем Гедеоном, и архимандрит был спокоен за состояние дел в обители.

Обязанности наместника были очень хлопотными: он фактически управлял всем огромным хозяйством за архимандрита, который почти постоянно находился в Петербурге. Должность требовала «не только смотра за монахами и всегдашнее принятие гостей, но и хлопотливое в соборе вотчинными делами приказное правление»³¹.

Платон, ставший затем преемником Гавриила, наместничество «принял неохотно и проходил с тягостию»³². Но Гавриил прилежно и терпеливо относился к любым возложенным на него послушаниям. Среди его дел были и надсмотр над управителями, и вотчинные тяжбы, и надзор за ремонтом, и взыскание недоимок. Монастырь обладал обширными поместьями в 12 епархиях. За Лаврой было более 100 тысяч душ крестьян, с них собирались 56 тыс. рублей оброка, 37 тыс. четвертей хлеба и другие натуральные сборы. Много сил требовали внутренние монастырские дела, ведь в обители было свыше 200 монашествующих, не считая бельцов и служителей, и 15 приписных монастырей.

*«Обратите сие вре.ия,
которое вы
препровождаете на земле,
к вечности, г.ия которой
вы созданы».*

Митрополит Гавриил

*Митрополит Гавриил
Кроме монашеского*

*Вид на Троице-Сергиеву
Лавру.
Художник
Ж. Делабарт
1798 г.*

Лавра того времени, и особенно при архимандрите Гедеоне Кривовском, была одним из богатейших и устроенных монастырей. Сам Гедеон, постоянно вращавшийся в придворном обществе, был далек от иноческой простоты в обстановке и одежде, и про него в народе была поговорка: «Гедеон нажил миллион». В его бытность жизнь в Лавре внешне мало походила на аскетическую. Обитель славилась своими медами, пивами, квасами. Каждому монаху отпускалась ежедневно «бутылка хорошаго кагору, штоф пенного вина, по ковшу меду, пива, квасу. За всенощную в южный и северный алтарь приносились ведра с пивом, медом и квасом для подкрепления крылосных, так что, как говорили, «правый клирос поет, а левый пиво пьет»³³. Сохранилось забавное описание «поезда» лаврского архимандрита в баню. Он «ехал шестернею в карете, впереди его верхом диакон в стихаре и с посохом, позади телега с разными припасами; пол в бане устилался благовонными травами и цветами. На каменку подавали венгерское вино, которым также окачивался архимандрит»³⁴.

Наместник Лавры иеромонах Гавриил вел жизнь строгую и сосредоточенную, в которой не пропадала ни одна минута. С вечера готовился к классу; вставши, ходил к утрени; после утрени опять готовился к урокам. С семи до девяти преподавал, потом шел в Лаврскую канцелярию для текущих дел, оттуда шел к литургии. По ее окончании — опять в канцелярию, а потом «в класс полуденный». После занятий он шел к вечерне, и только после этого обедал и одновременно ужинал кашицей с сухарями. Он был очень скромен в расходах и не поощрял излишеств в угощении братии и других подчиненных. Архимандритом было велено «всем по экономии относиться к нему, ибо казначей и келарь более его на себя издержива-

ли»³⁵. Братия вначале упрекала его в строгости и скупости, но затем увидела добрые намерения наместника и оставалась искренно благодарной ему³⁶.

Старший брат Гавриила — Василий Петров в 1752 г. «по спадении с голоса» был уволен из синодальных певчих «для определения на священническое место, но чувствовал себя недостаточно подготовленным для принятия сана»³⁷ или искал монашеского пути. В 1753 г. он стал послушником Киево-Печерской Лавры и учеником Киевской академии³⁸. В то время для поступления в столь знаменитый монастырь, а тем более для сочетания послушничества и учебы, нужна была либо протекция, либо денежный вклад. Василий, вероятно, на свое содержание в монастыре и академии получил средства от родных и смог шесть лет проходить учение, которое в Киевской академии примерно соответствовало московскому. Так же как и брат Петр, он отличался в учебе прилежанием и упорством. Будучи послушником Лавры, Василий Петров получил в академии вторую фамилию — Лавровский. Он находился в лучших условиях, чем другие бурсаки, вынужденные «на вакациях» побираться ради куска хлеба, но из-за возраста (при поступлении ему было уже 24 года) его учеба могла сопровождаться насмешками соучеников и братии. Достигнув философского класса, он в 1759 г. принял в Лавре постриг и был наречен Варлаамом, вероятно, в честь первого Киево-Печерского игумена, мощи которого покоились в Ближних пещерах. По воспоминаниям Феофана Новоезерского, митрополит Гавриил рассказывал: «Никто его <в Лавре> не уважал — поддиаконский сын был. Досифей* схимник там был; раз идет брат мой по Лавре, его встречает Досифей и уговаривает постричься. Брат постригся»³⁹. После этого отношение братии к Варлааму изменилось, а в 1761 г. он был уволен из Киево-Печерской Лавры, вероятно, благодаря ходатайству брата, «для свидания с родственниками в Москву». В том же году по указу Синода Варлаам был принят в Троице-Сергиеву Лавру «для священнослужения и крылошского послушания»⁴⁰.

Встреча братьев состоялась в конце мая, а уже 14 августа иеромонах Варлаам был направлен для священнослужения и «некоторых потребностей» в Петербург, «в дом его высокопреподобия <архимандрита Гедеона> на почтовых или ямских подводах незамедлительно»⁴¹.

*Епископ
Гедеон Кривовский.
Неизвестный художник.
18 в.*

** Прп. Досифей, позднее
благословивший на
монашеский подвиг прп.
Серафима Саровского,
в 1993 г. прославлен как
местночтимый Киево-
Печерский подвижник.*

*Киево-Печерская
Лавра.
Открытка 19 в.*

*Заиконоспасский
монастырь.
Фото из альбома
Н. А. Найденова.
1882 г.*

Иерархическое возрастание Гавриила

Гавриилу Петрову также было уже назначено другое поприще — 20 сентября 1761 г. в Успенском соборе он был произведен в архимандриты Заиконоспасского монастыря. Именным указом Заиконоспасскому архимандриту повелено было отныне «в разсуждении знатной степени и ректорства иметь на мантии скрижали и посох с яблоками»⁴². И снова Гавриил не искал должности. Он «желал Симонова монастыря, где хотел и умереть»⁴³ но, получив назначение, добросовестно взялся за исполнение новых обязанностей. Заиконоспасский монастырь после Лавры не доставлял архимандриту Гавриилу больших хлопот, а вот академия, в которой он еще не так давно обучался сам, в материальном отношении была гораздо беднее Троицкой семинарии (на учеников приходилось по 4 копейки в день). Памятуя об этой скудости, Гавриил в дальнейшем жертвовал крупные суммы на содержание бурсаков⁴⁴.

Статус академии значительно изменился со времени обучения в ней Петра Петрова. В 1740–1750 гг. она была еще обыкновенной епархиальной школой, а когда в управление вступил архимандрит Гавриил — уже общегосударственным учебным заведением, подчинявшимся непосредственно Синоду. Здесь обучали высшим наукам около 200 учеников, присланных из других семинарий, «надежных к продолжению учения» (хотя были оставлены и низшие классы)⁴⁵. Такое возвышение академии налагало на ее начальника большую ответственность. В его обязанности входило обеспечение академии всем необходимым, надзор за преподаванием, правильным течением школьной жизни и успехами учеников, подбор и распределение преподавателей. За первый же год его ректорства число учеников возросло до 300.

Как ректор, архимандрит Гавриил преподавал главную дисциплину — богословие. В написанных им лекциях, хранившихся в архиве академии, видно стремление приблизить школьную науку к жизни, дать ученикам ответы на вопросы, актуальные для середины XVIII в.⁴⁶

Положение ректора академии обязывало архимандрита Гавриила к общению с придворными кругами. 25 декабря 1761 г. вступил на престол Петр III, и вскоре архимандрит Гавриил был назначен говорить в Успенском соборе панегирическую проповедь в день рождения императора. В дальнейшем, узнав об указах нового монарха, оскорблявших религиозные чувства русских людей⁴⁷, Гавриил не раз вспоминал о своей речи с горечью. Затем на престол вступила Екатерина II. Она не скупилась на щедрые обещания Церкви, и многие им поверили. В сентябре 1762 г. двор прибыл в Москву для коронации.

Во время пребывания двора и Синода в Москве архимандрит Гавриил по долгу службы стал часто общаться со своим непосредственным начальником митрополитом Димитрием Сеченовым. На него обратили внимание и многие царедворцы и предлагали сделать его законоучителем наследника престола.

Гавриил явно был на хорошем счету. Однажды в гостях у генерала Собакина митрополит Димитрий сказал молодому ректору: «Вы хорошо учите; Синод знает это и хочет сделать вас

архиереем». Гавриил скромно возразил, «что есть старше и достойнее его и что он искренне просит оставить его при академии по причине вреда от частых в академии перемен»⁴⁸. Это не было лукавством. Его деятельность приносила зримые плоды, что давало московскому ректору чувство удовлетворения своими трудами.

В 1763 г. архимандрит Гавриил был назначен в Московскую контору Синода⁴⁹, где приобрел первый опыт государственно-административной деятельности. Вскоре, в связи с неожиданной смертью Гедеона Криновского, начались перестановки на епископских кафедрах. Гавриил не был в числе намеченных кандидатов, поскольку митрополит Димитрий помнил просьбу оставить его ректором. Но представленные кандидаты не понравились императрице, и она потребовала других. Заиконоспасского архимандрита посоветовал Григорий Потемкин, который был с юности дружен с Гавриилом⁵⁰. «Бог устами Вашими глаголет!» — ответил митрополит⁵¹. В новом списке кандидатов ректор Гавриил был поставлен вторым, но Екатерина выбрала его. 6 декабря 1763 г. в Петропавловском соборе, при участии митрополита Димитрия, архиепископов Гавриила Кременецкого и Георгия Конисского, состоялась хиротония архимандрита Гавриила в епископа Тверского.

Назначение в Тверь было почетным. Это был в то время крупный город, через который проходила дорога между столицами. Тверские архиереи, как и псковские⁵², становились членами Синода. Сюда назначали людей, привлечших высочайшее внимание. В 1763 г. почти всю Тверь уничтожил сильнейший пожар, и по указу Екатерины город начали заново отстраивать в камне. Одним из главных объектов строительства был архиерейский дом, впоследствии ставший путевым дворцом императрицы.

После хиротонии епископ Гавриил около месяца находился в Петербурге и только 6 января, в Крещенский сочельник, прибыл в Тверь, где был торжественно встречен крестным ходом из кафедрального собора. В тот же день он служил литургию и совершал водоосвящение.

По обычаю владыка обратился к своей первой пастве с посланием, призывая всех пребывать в должности «радетельно, честно и богоугодно». «...Смиренно прошу и о мне, недостойном пастыре вашем, приносить Богу свои молитвы, — писал он в конце послания, — да поможет мне вседействующая благодать Его, безпреткновенно и радостно проходить звание мое, к славе Его Божественной, к созиданию святыя Церкви, к благоустроению общества и к удовольствию всех вас»⁵³.

Епископ Гавриил прожил в епархии около двух лет (до вызова в Санкт-Петербург). Здесь он сформировался как архипастырь, выше всего ставящий свое призвание ко спасению душ. Он был милостив, по-пастырски попечителен, всегда вникал в суть дела и особенно заботился о нравственном исправлении своей паствы. Его действия отличала требовательность, прежде всего к самому себе. В основе его поступков всегда лежала молитва, и поэтому в них не было поспешности. Недаром митрополит Платон писал позднее, что преосвященный Гавриил «все располагает числом, мерою и весом»^{*}.

В Твери застал епископа Гавриила указ 26 февраля 1764 г. о секуляризации и издании новых штатов. Главной целью этого печально известного мероприятия Екатерины был окончательный переход церковной собственности в руки государства. Это было воспринято многими как святотатство, ведь вотчины, отнятые у монастырей, были зачастую вкладами «на веч-

*Великий князь
Петр Федорович
и великая княгиня
Екатерина Алексеевна.
Живописник
А. Д. Лисевский.
1756 г.*

** Выражение взято митрополитом Платоном из Книги премудрости Соломона (11:21)*

*Спасо-Преображенский
кафедральный собор
в Твери*

ный помин». В ходе реформы были упразднены десятки обителей, а с ними исчезли и те, на кого была возложена обязанность поминовения вкладчиков.

После секуляризации казна получила огромные доходы от монастырских земель, а сами земли в дальнейшем стали для императрицы источником для крупных пожалований ее фаворитам. При этом все расходы правительства на содержание штатных монастырей составили только восьмую часть от собираемого с бывших монастырских крестьян оброка⁵⁴.

Главным выразителем недовольства реформой стал Ростовский митрополит Арсений Мадиевич, старший многих архиереев и по возрасту, и по положению. Императрица, от которой давно уже зависели судьбы иерархов, сумела выбрать момент так, что других протестов не было, хотя многие молчаливо поддерживали митрополита Арсения. Он и прежде, в 1742 г., резко критиковал использование церковных имений государством и сравнивал Коллегию Экономии с «гонителем и мучителем Церкви, безбожным и законопреступным царем Юлианом»⁵⁵. В 1763 г., узнав о подготовке к секуляризации, Арсений написал два доношения в Синод. В этих записках отразился весь прямой, бесхитростный нрав митрополита, убежденно-го, что его доводы заставят Екатерину отказаться от проведения реформы. Но результатом был лишь гнев императрицы, суд и заточение несогласного иерарха. Обвинения, предъявленные митрополиту, и сбывшиеся затем предсказания старца судившим его архиереям глубоко запечатались в душе архимандрита Заиконоспасского монастыря Гавриила Петрова,

присутствовавшего на суде. Это послужило почвой для формирования сдержанности и осторожности в отношениях митрополита Гавриила с правительством.

Став Тверским епископом, Гавриил ощутил тяжесть реформы, осложнявшей управление епархией. До издания штатов Тверской архиерейский дом имел в своих руках значительные средства, а в 1764 г. ассигнования на него уменьшились в 2,5 раза⁵⁶. Служители консистории, которые вели все епархиальные дела, были оставлены на незначительном жаловании, а опора консистории — духовные правления и вовсе лишились обеспечения, что увеличило злоупотребления и поборы с просителей. Были также упразднены поповские старосты, осуществившие связь епархиального начальства с духовенством.

Перед секуляризацией в епархии числилось 28 обителей и в них 408 монашествующих. По штатам было оставлено 10 штатных монастырей и 7 заштатных, а прочие упразднены⁵⁷. Резко ухудшилось материальное положение обителей и было сокращено число насельников.

В 1764 г. Сенат вспомнил про незаконченный разбор детей духовенства 1754 г. и велел «всех праздно живущих церковников от 17 до 50 лет, которые никакого занятия себе не приискали», записать в военную службу. Как всегда при подобных разборах, действия властей привели к тому, что некому стало совершать богослужения. Число опустевших церквей в епархии увеличилось до пятидесяти⁵⁸. Жертвам разбора архиереев оказывал поддержку: разрешал обращаться в Синод с ходатайствами, оставлял за детьми взятых в солдаты их места.

Главной заботой епископа Гавриила стало духовно-нравственное состояние клира, хотя его трудно было поддерживать при невысоком образовательном и материальном уровне духовенства. Тверской епископ первым из русских архиереев ввел у себя благочинных, не столько для административного надзора, сколько для пастырского руководства, и снабдил их правилами, излагающими обязанности священника, что разительно отличалось от предписаний его предшественников. Владыка старался не применять при взысканиях всю строгость законных требований, вникал в обстоятельства. В это суровое время, когда в обычае были телесные наказания, у преосвященного Гавриила наиболее распространенной епитимьей стала посылка виновных для исправления на срок в монастырь.

Повышая образовательный уровень причта, он положил немало труда на устройство семинарии. В результате реформы 1764 г. Тверская семинария целый год оставалась без средств, а затем, как и другие духовные школы, получила ничтожное содержание. Дошедшие до нас семинарские оды недаром именовали тверского владыку «прещедрым Гавриилом»⁵⁹, ведь недостающее для семинарии архиереев восполнял из собственных средств. На должность ректора он пригласил префекта Московской академии Макария Петровича, которого хорошо знал. Архимандрит Макарий был единомышленником преосвященного, и им удалось достигнуть того, что ученики перестали бояться семинарии и бегать из нее. Духовенство начало охотно отдавать своих детей в учение, так что низшие классы семинарии оказались переполнены, и в 1768 г. было открыто духовное училище в Кашине.

Архимандрит Макарий, с благословения епископа Гавриила, впервые стал читать курс богословия на русском, а не на латинском языке. Это сделало предмет интересным, и тверские семинаристы, а также появившиеся в семинарии добровольные слушатели охотно ходили на эти уроки за 5 верст в Желтиков монастырь, где Макарий был настоятелем. После скоропо-

*Митрополит Ростовский
Арсений (Мадиевич),
заключенный в крепости.
Травюра 19 в.*

Свв. благоверные Михаил
и Ксения Тверские.
Икона 17 в.

стижной смерти ректора, «чтобы не было остановки в учении», владыка сам преподавал богословие. Способные семинаристы отправлялись учиться дальше. Один из учеников был послан в Оксфорд, который окончил в 1775 г. с дипломом магистра⁶⁰.

Забываясь о подготовке кандидатов на церковные места, владыка предписал венчать сыновей причетников только после обучения их чтению и катехизису в монастыре под руководством опытных монахов. Малограмотных священников он распорядился также отсылать в монастыри для обучения. Священнослужение позволялось тем, кто окажется «искусно читающим и понимающим положенные молитвы»⁶¹. Архиерей лично испытывал кандидатов на священнические места, учитывая их достоинства и местные условия.

Особым попечением епископ Гавриил окружал монастыри и в первую очередь заботился об улучшении их духовного состояния. Будучи сторонником общежительного устава, он подбирал себе единомысленных помощников среди настоятелей. Одним из них был Феодосий Добрый в Ниловой пустыни. Архипастырь всемерно ему содействовал, стремясь сделать из Ниловой пустыни, уже придерживавшейся правил «общего жития», образец для подражания. В 1764 г. он дал для пустыни подробное наставление об иноческой жизни, а также прислал увещание к монахам «о жизни трезвенной, целомудренной, кроткой и благоговейной»; в 1765 г. предписал новопостриженных поручать под надзор опытных в духовной жизни старцев; в 1766 г. сделал распоряжение «всех живущих с надеждою пострижения обучать какому-нибудь мастерству» и подтвердил для пустыни правила общежития по образцу Саровской, Софрониевой и Флорищевой пустыней.

Желтиков монастырь.
Фото конца 19 в.

Варлаам – от иеромонаха до епископа

Брат Гавриила иеромонах Варлаам Петров-Лавровский 20 октября 1761 г. был уволен из Троице-Сергиевой Лавры «к преосвященному Гедеону, епископу Псковскому и Нарвскому»⁶². Гедеон Криновский неслучайно вызвал его в Петербург. Архимандрит уже знал о своей предстоящей епископской хиротонии и, памятуя об отличном управлении Гавриила Лаврой, избрал его брата помощником в будущей епархии. Постоянно находившийся при дворе Гедеон сам так и не побывал в своей епархии. Для ведения дел он отправил в Псков Варлаама, сделав его игуменом Любятова монастыря, а позднее и управителем архиерейского дома. В ризнице Любятовского храма в начале XX в. хранилась серебро-позлащенная дарохранительница с надписью: «Сделан сей ковчег 1762 года в царствующем граде Москве, в Псково-Никольский Любятов монастырь при игумене Варлааме старанием его»⁶³. В 1763 г. игумен Варлаам вместе с Печерским архимандритом Иосифом принял и последнее, предсмертное завещание Гедеона о раздаче денег бедным на поминовение. В должности управителя встречал Варлаам в Пскове нового епископа Иннокентия Нечаева (друга Гавриила), который, по воспоминаниям архимандрита Феофана Новозерского, после упразднения Любятова монастыря в 1764 г. поместил игумена Варлаама в Спасо-Елеазаров монастырь⁶⁴.

Епископ Гавриил, возглавив Тверскую епархию, при первой возможности перевел брата к себе, назначив его в 1765 г. (по случаю болезни архимандрита Феодосия Доброго) для временного управления Нило-Столобенской пустынью. В списках настоятелей монастыря за 1765–1766 гг. значится «Варлаам... бывший игумен Любятова монастыря Псковской епархии»⁶⁵.

Каждая из псковских обителей, в которых довелось подвизаться будущему Тобольскому архиерею, была славна своей историей и святынями. Псково-Никольский Любятов монастырь упоминался в Псковском летописце как место, где Иван Грозный отказался в 1569 г. от намерения разорить Псков: «...И егда же прииде князь великий... и ста во обители святого Николы на Любятове, в нощи к недели, и начаша утреннюю звонити по всему граду, и тогда слышав князь великий звон, умилится душею и прииде в чюство, и повеле всем воем меча притупити о камень, и ни единому бы дерзнути еже во граде убийство сотворите»⁶⁶. Была в монастыре особо чтимая чудотворная икона Владимирской Божией Матери «Умиление» (первой половины XV в.). С этим образом, в двух местах простреленным польскими пулями, ежегодно, в первое воскресенье Петрова поста, совершался крестный ход вокруг монастырской ограды⁶⁷.

Спасо-Елеазаров монастырь, основанный в 1447 г., в XVI столетии стал одним из духовных и культурных центров Псковской земли и знаменит тем, что его игуменом был старец Филофей, автор крылатого выражения «Москва – третий Рим».

В этих обителях будущий святитель Варлаам приобретал опыт руководителя монашеской жизни. О его высоких личных качествах сохранилось свидетельство архимандрита Макария

Любятовская икона
Божией Матери.
15 в.

*Печать
Ниловой пустыни.
1765 г.*

Петровича (который познакомился с ним в Твери). Макарий пометил в своих записках 25 февраля 1765 г., накануне отъезда Варлаама в Нилову пустынь: «Стоит человека место: обитель первая между многими и равная лаврам; а и <Варлаам> человек редких добродетелей и из старинных людей»⁶⁸.

Нило-Столобенская пустынь действительно была не только древним монастырем, но и одним из духовных центров России. Епископ Гавриил поставил здесь настоятелем своего брата, будучи уверен, что он сможет поддерживать сложившийся строй духовной жизни. Варлаам, разделяя его взгляды на иночество, с охотой возглавил пустынь. Сведения о его деятельности дают сохранившиеся до наших дней приходно-расходные книги. По их листам проходит скрепа «Ниловой пустыни игумен Варлаам»⁶⁹, написанная его красивым уверенным почерком.

Нилова пустынь в 1764 г. оказалась за штатом, или, как тогда говорили, «на своем пропитании»⁷⁰. Но по документам она не производит впечатления бедной. В недавно построенной церкви Петра и Павла возводится резной иконостас. Во многих кельях идет ремонт, перекладка печей; отремонтированы конюшенный двор, коровники, построены рыбацкие кельи, мельница; архимандритам (в этот период здесь находились на покое большой архимандрит Феодосий и архимандрит Никон; они имели свои кельи и обеспечивались монастырем) и братии шьется одежда. В рухольной книге поименно перечисляются все получившие новые рясы и подрясники — архимандриты, наместник, казначей и другие монахи, но игумен при этом не упоминается. Однако можно догадаться, что именно Варлааму была сшита «мантия киевская»⁷¹.

Из расходной книги мы узнаем и об одной из встреч Варлаама с братом: «Ездил в Тферь отец игумен для монастырских нужд к его преосвященству...»⁷²

Варлаам вошел в размеренную, хорошо устроенную жизнь обители, наблюдая, чтобы сложившийся порядок не был нарушен. Общая трапеза была сытная, но без излишеств: например, на праздники братии покупались калачи. Для работ нанимались поденщики, расчет с которыми производился в ноябре. Были в монастыре и «богородные» работники. В монастырь покупали много рыбацких принадлежностей, сетей, неводов, рыбацкой одежды и обуви, меду, воску. Палехские мастера «по контракту» изготавливали для монастыря партии икон чудотворца Нила для богомольцев и подарков благодетелям.

По возвращении архимандрита Феодосия к управлению монастырем, в январе 1766 г., Варлаам был перемещен в том же сане (игумена) в настоятели Успенского Желтикова монастыря на место умершего Макария Петровича⁷³.

Желтиков монастырь, расположенный вблизи Твери, находился под пристальным вниманием преосвященного Гавриила и отличался строгим уставным богослужением. При Варлааме, с юности знавшем толк в певческом искусстве, здесь было устроено отличное богослуженное пение на «два крылоса». Для этого из Ниловой пустыни был «прислан по указу головщик правого крылоса иеромонах Матвей»⁷⁴.

В 1767 г., во время путешествия по Волге, императрица с двором на три дня прибыла в Тверь. Екатерина II остановилась в городском доме архиерея и посетила его загородный дом. Она осталась довольной оказанным приемом и смогла ближе познакомиться с Тверским преос-

Игумен Варлаамъ.

вященным. По своему обычаю вникать в частные вопросы и особому интересу к епископу Гавриилу императрица заметила и запомнила его брата Варлаама.

В начале 1768 г. Гавриил «репоровал» в Синод: «По Ея Императорского Величества указу сего года в генваре месяце консистории член г. Торшку Борисоглебского монастыря архимандрит Кирилл... произведен в Севскую епархию в викарного епископа, а на ево место, в силу присланного ко мне Святейшаго Правительствующего Синода указа, в архимандрита мною произведен Тверскаго уезду Желтикова монастыря игумен Варлаам»⁷⁵.

Новоторжский монастырь был одним из древнейших в России. Первый каменный храм во имя Бориса и Глеба был основан прп. Ефремом еще в 1038 г. Ефрем и его братья Моисей и Георгий, родом венгры (угры), служили у свв. князей Бориса и Глеба. Георгий погиб вместе с князем Борисом, пытаясь защитить его своим телом. Моисей бежал от убийц и впоследствии стал иноком Киево-Печерского монастыря (прп. Моисей Угрин). Ефрем, бывший в отлучке, поспешил на место гибели князя и брата, отыскал отсеченную главу Георгия и тайно хранил ее при себе 38 лет. Прп. Ефрем умер в 1053 г. и завещал положить с собою в каменный гроб, высеченный собственноручно, главу брата. Нетленные мощи преподобного и глава св. Георгия были обретенны в 1572 г. и стали главной святыней монастыря. В 1764 г. Новоторжский монастырь был сделан второклассным⁷⁶. Обитель отличали строго иноческая жизнь и продолжительные богослужения.

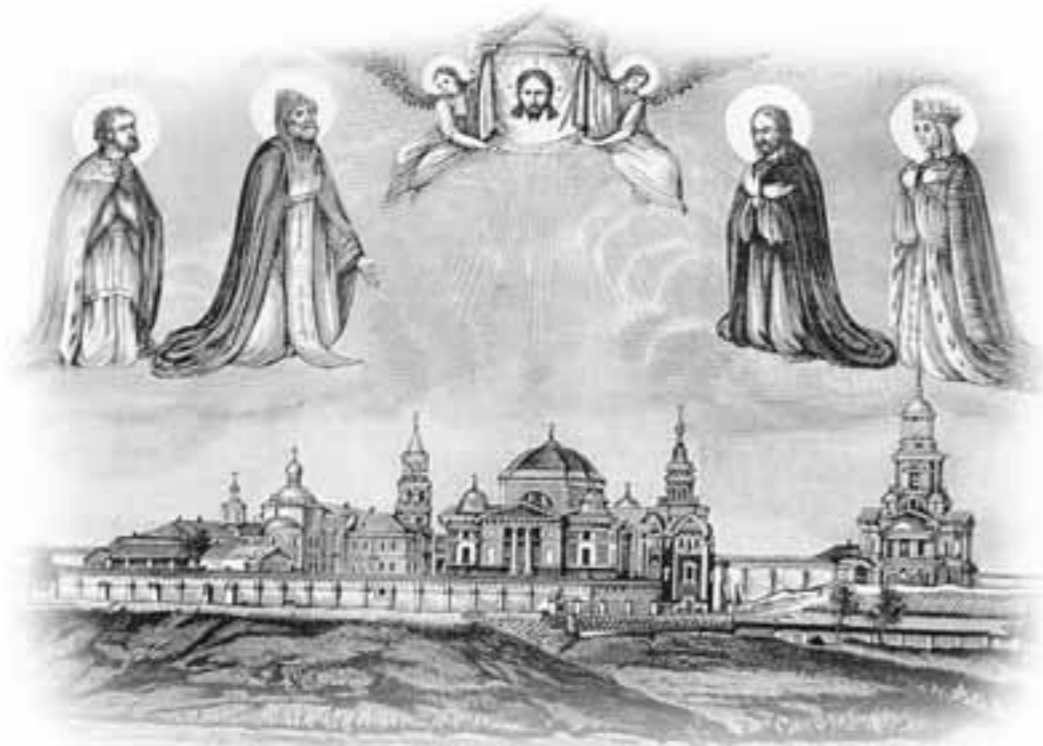

*Нилова пустынь.
План монастыря
начала 19 в.*

Настоятелем этого монастыря Варлаам пробыл менее года и был хиротонисан в придворной императорской церкви в Петербурге во епископа Тобольского. При выборе архиерея на эту кафедру Екатерина отклонила четырех предложенных Синодом кандидатов и сама назначила архимандрита Борисоглебского монастыря Варлаама (Петрова-Лавровского)⁷⁷. Такой выбор был сделан потому, что Новоторжский архимандрит был братом уже хорошо известного императрице Гавриила. Чутье подсказало Екатерине большую выгоду такого административного расклада, а при кратком знакомстве в Твери Екатерина оценила личные качества Варлаама, которые не уступали добродетелям его брата.

При возведении на кафедру, ранее бывшую митрополией, Варлаам получил титул епископа, но за ним было оставлено право ношения митры с крестом наверху и голубой с источниками митрополичьей мантии. Упразднение митрополии было связано с общим настроением императрицы: иерархические степени присваивались ею архиереям в виде наград независимо от их кафедр.

Преосвященный Гавриил был приглашен на церемонию наречения брата в епископы. Посвящение состоялось в придворной церкви Зимнего дворца 5 октября 1768 г.⁷⁸ По принятии епископского сана Варлаам еще в Петербурге погрузился в деятельность, связанную с его далекой епархией, в которую он прибыл в марте 1769 г.

*Борисоглебский
монастырь в Торжке.
Гравюра 19 в.*

«Муж острый и резонабельный»

Для преосвященного Гавриила в это время открылась новая страница — в 1765 г. он был вызван в Петербург, чтобы вместе с Иннокентием Нечаевым и Платоном Левшиным представить замечания со стороны духовенства к Наказу, написанному Екатериной для Комиссии Нового Уложения⁷⁹.

Создание Комиссии было для Екатерины опытом перестройки законодательства на началах века Просвещения. Схема устройства страны, обозначенная в Наказе, должна была, по ее мнению, доставить счастье подданным и сделать Россию идеалом философов, мечтавших о совершенном государстве. Предполагалось, что в Комиссии будут участвовать выборные депутаты от всех слоев населения, что позволит узнать о чаяниях соответствующих общественных групп.

Но воспетые либеральными историками действия императрицы по реформе законодательства во многом противоречили духу русской жизни. Утопичным был и «бессмертный Наказ». Иерархи высказались о произведении монархини весьма осторожно. Они не разделяли либеральные воззрения императрицы, но, подобно большинству критиков Наказа, приглашенных самим автором, вынуждены были расточать похвалы сочинительнице и сделали лишь незначительные замечания, которые в основном остались без внимания.

Вскоре увлеченная идеями преобразований Екатерина поручила им разработку проекта реформы духовных учебных заведений, к чему они отнеслись с особым вниманием⁸⁰, поскольку это соответствовало насущным интересам Церкви. В течение четырех месяцев ими был составлен подробный проект, разработан курс обучения и штаты училищ, предусмотрены и такие важные частности, как необходимость библиотек при семинариях и устройство типографии при академии, названной ими московским духовным университетом.

В проекте отразилось стремление к поднятию образовательного уровня духовенства, улучшению его положения в обществе. Иерархи заявили, что «воспитание, учение и весь кошт будут суетны, ежели по изучении семинаристы и студенты не будут иметь достойных мест и довольного содержания»⁸¹. Они разработали меры для материального обеспечения и повышения статуса образованных священников и всего духовного сословия, далеко опередившие эпоху.

Окончив эту работу в июне 1766 г., епископ Гавриил просил отпустить его в Тверь, к ожидавшим епархиальным делам, но по желанию императрицы оставался в столице до конца лета. 30 августа в честь праздника Александра Невского владыка принял участие в крестном ходе от Казанского собора до Александро-Невского монастыря. Императрица, по обычаю того времени, должна была шествовать позади архиереев, но большую часть пути она шла рядом с епископом Гавриилом и с ним разговаривала. Беседа произвела на

*«Большую осторожность
должно иметь
христианину в течении
спасительного.»*

Митрополит Гавриил

*Наказ Екатерины
Великой для Комиссии
Нового Уложения.
1767 г.*

Екатерину неизгладимое впечатление. По ее указанию в Синоде был даже объявлен ее отзыв о молодом архиерее: «Муж острый и резонабельный»⁸².

В конце января 1767 г. епископ Гавриил вместе с Платоном Левшиным был отправлен в Москву, куда вскоре по случаю открытия Комиссии для сочинения Нового Уложения приехала императрица с Синодом и Сенатом.

Здесь Гавриил был вызван к государыне для объяснения «о семинариях плана» — разработанного с Платоном и Иннокентием проекта реформы духовных учебных заведений. Сочинителем главной части проекта был Гавриил, и его как автора императрица пригласила для разъяснений. Проект понравился Екатерине, но осуществление его требовало от государства затрат и пересмотра системы обеспечения причта, поэтому в дальнейшем он затерялся в различных комиссиях.

Однако внимание Екатерины к Тверскому епископу еще более возросло. Гавриил, не будучи членом Синода, по ее повелению был представлен кандидатом к выборам депутата от иерархии в Уложенной Комиссии.

После выборов императрица при встрече сказала епископу Гавриилу, что наибольшее количество баллов досталось митрополиту Димитрию Сеченову. «Радуюсь, что достойному», — отвечал Гавриил. «А кто по нем? — продолжала Екатерина, — это вы, я рада этому»⁸³. В дальнейшем, после смерти митрополита, преосвященный Гавриил стал церковным представителем в Комиссии.

Еще один эпизод характеризует нравственный авторитет, которым Тверской преосвященный пользовался у императрицы. Во время плавания по Волге Екатерина вместе с придворными переводила на шумевшего тогда «Велисария» Мармонтеля. Этот труд она распорядилась посвятить преосвященному Гавриилу. В посвящении, написанном графом Шуваловым, говорилось: «Древние хранили обычай приносить свои сочинения людям, коих они искренно почитали. Мы следуем их примеру, принося наш перевод вашему преосвященству. Добродетели ваши нам известны, а особливо кротость, смирение, умеренность, просвещенное набожество, которья в вас обитают и которыми бы долженствовало украшаться душе каждого христианина, а паче пастыря вашего чина»⁸⁴. Интересно, что книга, содержащая модные взгляды о свободе совести и осуждение религиозной нетерпимости, была запрещена во Франции, а в России князь М. М. Щербатов отрицательно характеризовал этот перевод как «не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской»⁸⁵. Вероятно, для Екатерины действительно не было разницы между христианскими и языческими добродетелями, поскольку далее в посвящении говорилось: «Мы чистосердечно признаемся, что Велисарий обладал нашими сердцами, и мы уверены, что сие сочинение вашему преосвященству понравится; потому что вы мыслями, как и добродетелью, с Велисарием сходны». Автор Велисария, состоявший с Екатериной в переписке, считал нужным поблагодарить ее за посвящение перевода своего произведения достойнейшему иерарху, «напоминающему своим нравственным величием те счастливые времена, когда святяги вещи находились в святых руках»⁸⁶.

Преосвященный Гавриил стал депутатом Комиссии Нового Уложения в 1768 г. Энергичный иерарх как нельзя лучше подходил для церковного

представительства в законодательном учреждении. Чтобы отстаивать интересы Церкви, ему приходилось учитывать настроения правящих кругов, государственные и сословные интересы. Это требовало особой мудрости и дальновидности. Синодальный наказ депутату, в составлении которого он сам принимал участие, был далек от либеральных взглядов императрицы. В нем были отражены главные церковные потребности, жизненные интересы иерархии и духовенства, вопросы их обеспечения и взаимоотношений с другими слоями общества, ограждения духовного сословия от бесчестия. К синодальному депутату также поступали все ходатайства и прошения от духовенства. От государства ожидалось принятие законодательных мер для утверждения Веры и Церкви, ограждения чистоты православного учения и подтверждения церковных правил.

Став церковным представителем в Комиссии, епископ Гавриил был сразу же выбран в Дирекционную комиссию, направлявшую общую работу, и стал одним из ее руководителей. Он представлял в торжественных случаях и говорил речи во главе делегаций к императрице, участвовал в обсуждениях дел, и через его руки проходили все проекты, так что церковные вопросы были лишь частью его деятельности. Он был единственным представителем духовенства в этом законодательном собрании. По важнейшим вопросам точки зрения Церкви и императрицы, как правило, не совпадали и поэтому, несмотря на затраченные усилия, трудно было надеяться на воплощение в жизнь даже синодальных требований.

К 1771 г. сама Екатерина II и большинство государственных деятелей России поняли непосильность заявленных преобразований. Под предлогом начала войны с Турцией работа Комиссии была свернута, и все ее проекты остались «историческими памятниками дворянско-сословного законодательного творчества».

Однако труды епископа Гавриила не были напрасными. В период трехлетней работы над проектом Нового Уложения он приобрел церковно-правительственный опыт, пригодившийся ему в дальнейшей деятельности. Екатерина же благодаря проделанной работе, которая, по ее словам «подала ей свет и сведение о всей империи», поняла всю утопичность применения любимых ею идей «просветителей» к русской действительности.

Будучи во время работы в комиссии на виду у двора и императрицы, Гавриил все больше завоевывал уважение и авторитет, как человек, заявивший о себе выдающимися талантами и способностями.

«...Ни любовь Бога без любви ближнего, ни любовь ближнего без любви Бога быть не могут. Все усилия пребудут тщетны, когда ты не будешь любить тех, которых любит Бог».

Митрополит Гавриил

*Барохранительница,
18 в.*

*Панорама Твери,
18 в.*

Гавриил – первенствующий иерарх

*«Не пленяйтесь
пышностию, каковою мир
усиливается возвысить
себя, ибо она виа.ле
исчезает».*

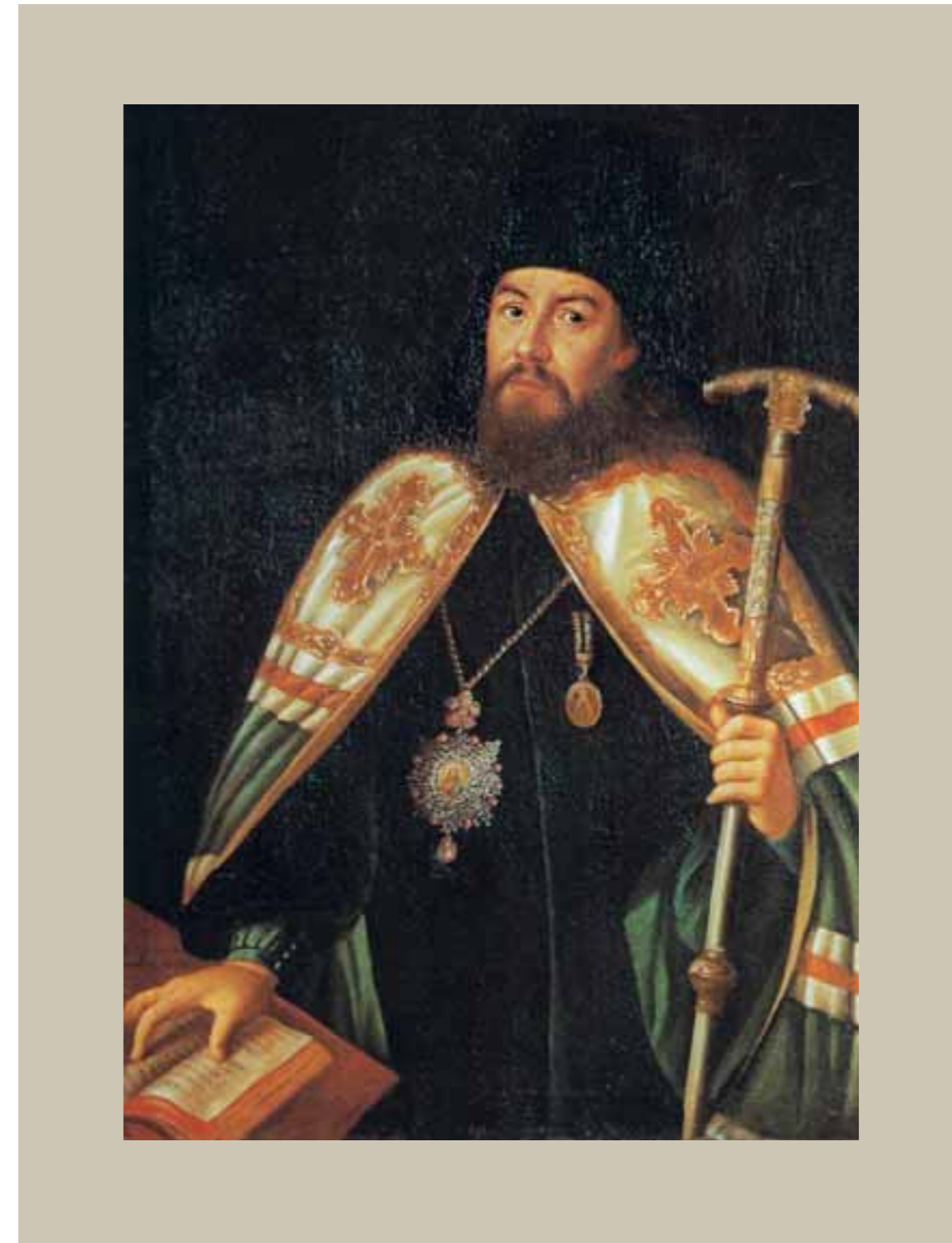
Митрополит Гавриил

В 1770 г., по смерти киевского митрополита Арсения Могилянского, императрица, вопреки предложениям Синода, перевела в Киев Санкт-Петербургского архиепископа Гавриила Кременецкого, который не пользовался ее доверием. Гавриил Петров, согласно желанию императрицы, был поставлен во главе церковного управления с утверждением его архиепископом Санкт-Петербургским⁸⁷. Екатерина, умевшая не обидеть никого, тем же указом повысила и сподвижников Гавриила: дала звание архиепископа Иннокентию Нечаеву, оставшемуся на Псковской кафедре, и Платону Левшину, переведенному на место Гавриила в Тверь.

Так в 40 лет Гавриил стал первенствующим иерархом. Он был призван к кормилу церковной власти в сложный момент исторической жизни Русской Церкви, когда начал особенно чувствительно сказываться перелом, совершившийся в Петровскую эпоху. Необычайная мудрость требовалась от человека, стоявшего во главе иерархии и близко соприкасавшегося со светской властью. Высокое служение для него обращалось в подвиг: среди тяжелых коллизий мог теряться самый сильный ум и колебаться самая твердая воля. По воспоминаниям келейника, каждый раз, отправляясь во дворец, владыка обязательно прежде всего сосредоточенно молился с земными поклонами, возлагая все упование на Бога.

В отношении Церкви Екатерина демонстрировала уставное благочестие, будучи убеждена, что таков долг монарха пред верой народа. Она ходила на богомолье, целовала руки духовенству, говела и причащалась вместе с придворным штатом, принимала участие в переложении в новую раку мощей святителя Димитрия Ростовского. Такими поступками императрица завоевала симпатии духовенства и народа. Ее также полюбили за внешнюю справедливость, тактичность и мягкость.

Но из ее писем и бесед с приближенными складывается совсем другая картина, которую, думается, видел и преосвященный Гавриил. Императрица рассматривала религию лишь с государственно-политической точки зрения. Она считала себя главой Церкви, имевшей право не считаться с мнениями иерархов, об архиереях отзывалась насмешливо и часто презрительно. Философствующие друзья Екатерины видели в духовенстве худшего врага своих теорий, а властолюбивая императрица чувствовала угрозу в лице не подчиненного ей авторитета Церкви, более всего опасаясь воплощения в жизнь «теории двух властей» — светской и духовной, бывшей в XVII в. основой государственности России. Мысль о хотя бы частичном ограничении монарших намерений и действий, как явствовало из дела Арсения Мациевича, заставляла Екатерину забывать и об обычной терпимости. Князь Щербатов в памфлете «О повреждении нравов в России» писал об императрице: «Имеет ли она веру к закону Божию? Ибо, если бы сие имела, то бы самый закон Божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ее на путь истины. Но — нет! Упоена безмысленным чтением новых писателей. Закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает, сколь ни скрывает своих мыслей, но они мно-

*Портрет архиепископа
Гавриила Петрова.
Художник
А. П. Антропов.
1774 г.*

гажды в беседах ее открываются, а деяния иначе доказуют; многие книги вольтеровы, разрушающие закон, по ея велению были переведены...»⁸⁸ Церковная политика Екатерины лучше всего характеризуется ее собственным замечанием: «Уважать веру, но никак не давать ей влияния на государственные дела»⁸⁹.

Отношение государыни к Церкви выразилось в назначениях обер-прокуроров в Синод. Здесь императрица показала себя продолжательницей Петровской политики: окончательно отобрав земли, она взяла под контроль и церковную администрацию, намереваясь бороться с мнимореакционной позицией духовенства и направлять его энергию на содействие общему просвещению в духе времени. Для этого нужны были Екатерине такие «обуздатели религиозного мракобесия», как обер-прокуроры Синода Мелиссино и Чебышев.

Особо показательны действия И. И. Мелиссино. Он находился на этом посту с 1763 по 1768 г. и отличился своими предложениями ослабить и сократить посты, очистить церковь от «притворных» чудес и суеверий касательно мощей и икон, а для этого составить особую комиссию «из разных не ослепленных предрассудками особ»; отменить «многие излишние праздничные дни»; вместо всенощных назначить краткие моления с полезными поучениями народу, упразднить монашество, как не приносящее пользы государству; епископам «с законными женами сожитие иметь»; отменить обычай поминовения усопших, запретить причащение младенцев и т. п.⁹⁰

В 1768 г. обер-прокурором был назначен мason Чебышев, который откровенно гордился своими атеистическими взглядами, заявляя, что «никакого Бога нет!» На заседаниях Синода он, по свидетельству современников, ругал архиереев, проводивших неудобные ему решения «гнилыми словами»⁹¹.

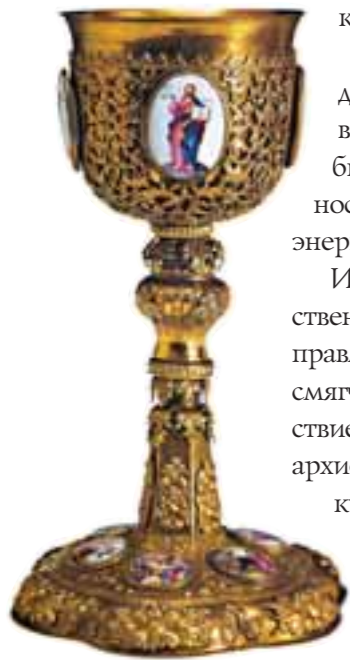
Преосвященный Гавриил, став членом Синода в 1769 г., сразу получил звание «беспременного» (т. е. несменяемого), что предполагало его длительное участие в высшем церковном управлении.

Лично к Гавриилу Екатерина относилась лучше, чем к другим архиереям. Он приобрел доверие императрицы раньше, чем занял первенствующее место в иерархии. Но и он в первые же годы почувствовал тернии высшего церковного служения, поскольку именно с Чебышевым вынужден был сосуществовать в Синоде около четырех лет. С вступлением в должность преосвященного Гавриила обер-прокурор Чебышев начал систематически получать энергичный и спокойный отпор, а затем был устранен из-за растраты казенных денег⁹².

Иерарх, несомненно, понимал показной характер благочестия Екатерины и выработал собственное отношение к нему, умея ценить ее внешнюю тактичность и стремясь исподволь исправлять нрав и взгляды императрицы. Личность владыки оказывала влияние на постепенное смягчение отношения государственной власти к церковной политике. Он сумел доказать отсутствие честолюбивого стремления к первенству, и императрица, видимо, даже не замечала, что архиерей часто действовал на нее духовным авторитетом. Так, например, должность обер-прокурора была отдана человеку благочестивому, плодотворно сотрудничавшему с духовенством.

Характерно, что иерархический состав Синода при преосвященном Гаврииле менялся очень мало и состоял из единомысленных с ним архиереев. Ближайшим сотрудником Гавриила в Синоде долгое время был Иннокентий Нечаев. Еще со школьной

Потир. 1780 г.

скамьи их связывала дружба, сохранившаяся до старости. Архиепископ Иннокентий много лет жил рядом с митрополитом Гавриилом в Александро-Невской обители, там же скончался и погребен в 1799 г. О его жизни свидетельствует надпись на могильной плите: «Вития о тебе не возгласит похвал, глас красноречия для праведника мал»⁹³.

Настроения императрицы значительно изменились к концу жизни — после Пугачевского бунта и террора Французской революции, которые поубавили ее изначальное вольнодумство, Екатерина стала относиться к Церкви более почтительно. Не последнюю роль в этом сыграло и ее многолетнее общение с митрополитом Гавриилом. По свидетельству современников, владыка никогда не заискивал; не поступался достоинством, был тактичен и сдержан; держал себя независимо, но умел и подчиняться обстоятельствам, «не прал против рожна». Его переписка с Екатериной отличается спокойно-деловым тоном. Он не уступал в церковных делах духу времени, даже если это могло навлечь гнев императрицы. Так было, например, в деле о женитьбе графа Алексея Орлова на двоюродной сестре. Преосвященный Гавриил по церковным правилам требовал развода незаконного брака, и только личное вмешательство Екатерины не позволило довести дело до конца.

Но императрица была достаточно умна, чтобы предпочитать людей честных и прямых, а не льстивых и угодливых. Ее доверие к Гавриилу было очень велико: он мог по своей инициативе приходить к государыне, излагал текущие дела Синода, давал разъяснения и советы. К его мнению Екатерина прислушивалась, и его голос часто был решающим. Государыня порой поступала по его совету не только в церковных делах. Не раз и по другим вопросам Екатерина интересовалась: «Гавриил как думает?» И, получив ответ, замечала: «Хорошо»⁹⁴.

Далеко не щедрая на знаки отличия духовным лицам монархия, оказывала их владыке неоднократно. На Рождество 1774 г. ему была пожалована бархатная мантия. В 1785 г. — имение в Шлиссельбургском уезде «Сусловская мыза», в 1789 г. — митра с жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями. По разным поводам императрица пожаловала преосвященному Гавриилу саккос из порфиры и наперсный крест папы Урбана VIII, присланный ей в подарок.

С 1770 г. преосвященный Гавриил управлял Санкт-Петербургской, а с 1775 г. еще и Новгородской епархией. Соединив по воле императрицы под своим омофором столичную и почетнейшую кафедры, он стал действительно первенствующим иерархом.

Управление двумя епархиями и без других обязанностей, исполняемых владыкой, уже могло бы поглотить все его время и силы. Он часто совершал богослужения, участвовал в крестных ходах, закладке и освящении церквей, говорил проповеди и речи в торжественные дни. По должности своего сана и по желанию императрицы он присутствовал на всех значительных светских церемониях в Петербурге и Москве.

В 1773 г. он помазывал миром невесту наследника престола и совершил их обручение и бракосочетание. В 1776 г., после смерти первой супруги Павла, преосвященный Гавриил совершил ее погребение в Невском монастыре. Он помазывал и вторую невесту Павла, названную Марией Федоровной, и также совершил их бракосочетание⁹⁵.

Владыка участвовал в приеме шведских монархов (Густава III и Густава IV) и других высокопоставленных иностранных особ. О преосвященном Гаврииле сохранилось немало отзывов

*Портрет Екатерины.
Живописник В. Эриксен.
До 1762 г.
Эр.штатск*

иностранцев, отмечавших его всестороннюю образованность, высокие моральные качества и простоту обращения. Один из них так описывал владыку: «Он, по справедливости, высоко чтим Императрицею и всем Двором и носит по особому разрешению орнаменты Патриаршие. Он большого и крепкого сложения, весьма красивое и мужественное лицо с длинной бородой и распущенными волосами. Он носит на золотой цепочке финифтяное изображение Святого Александра, и по другую сторону этого овального небольшого изображения — распятие с Иоанном и Пресвятою Девой Марией у Креста. Одевание его частью черное, частью фиолетовое, и теперь, летом, материя была шелковая. Он удержал меня по крайней мере с час. Разговор происходил на латыни и касался разнообразных предметов. Архиепископ выказывал заметное влечение к изящным искусствам и охотно слушал о путешествиях по чужим странам»⁹⁶.

На высшей ступени церковного управления преосвященный Гавриил руководствовался в первую очередь своим христианским долгом и благом Церкви. Воспитанный в патриархальной церковной семье, он на первое место ставил верность и служение Богу и царю. Идеи века Просвещения не повлияли на его мировоззрение. Его природные дарования и черты характера, получив огранку монашеского самовоспитания, служили «Единому на потребу». Несомненно, служение Богу он ставил выше служения царю земному, но при этом всегда отдавал «кесарю кесарево». Синод был частью государственного аппарата, и свою деятельность в нем владыка рассматривал как государственную службу, стремясь максимально выполнять возложенную на него задачу по повышению нравственного уровня общества.

Митрополит Гавриил совершает миропомазание великой княгини Елизаветы Алексеевны. Художник Е. В. Маилов. 1795 г.

Его иерархическое служение было проникнуто стремлением охранить и упрочить духовное и нравственное первенство Церкви. Ему были чужды интриги, которыми было заражено придворное общество. Вся его жизнь — пример глубочайшего смирения.

Однажды, явившись на совещание сановников, владыка начал речь рассказом, как по дороге он видел мужика, гнавшего хворостиной целое стадо гусей с подвязанными крыльями. Императрица поняла символический смысл его слов и закрыла заседание⁹⁷. Для Екатерины, критически относившейся к мнению многих самых авторитетных своих приближенных, такое уважение к голосу архиерея весьма показательно.

Императрица предлагала ему титул Первосвященника Русской Церкви, по-видимому, митрополита всея Руси. Со времени упразднения патриаршества это было заветным желанием многих русских иерархов. Но преосвященный Гавриил понимал, что Екатерина не собиралась по существу изменять порядок высшего церковного управления. Он писал Амвросию Подобедову: «Что надлежит до ваших желаний о главной духовной особе, сие мне предлагаемо было; но я сие почитал и почитаю вредным для церкви и советую сии мысли оставить»⁹⁸.

Владыка по-христиански проводил императрицу в последний путь. Все время ее кончины 4 и 5 ноября 1796 г. он провел во дворце, а ночь 6 ноября — в придворной церкви⁹⁹. Он сам с придворным протоиереем Сергием причастил и соборовал умирающую. Митрополит также сам совершал погребение и шел за гробом своей императрицы.

И в блеске своего сана митрополит Гавриил оставался суровым аскетом и подвижником. Его домашний быт был прост, а его служители, видя пример архиерея, были, по свидетельству окружающих, «довольны и люди хорошие»¹⁰⁰. О его привычках известно благодаря воспоминаниям келейника Феофана, записанным уже после кончины владыки. Являясь при дворе в богатых облачениях, усыпанных жемчугом и алмазами, дома он жил по-монашески скромно. Обязательно ходил к вечерне и утрне, после ранней обедни в 9 часов уезжал в Синод и, возвращаясь к трем часам, первый раз садился за трапезу. Постом питался единожды в день — щами, которые велел готовить сразу на неделю. «Приехал однажды к преосвященному Псковский Ириней, — вспоминал келейник, — а у преосвященного рыбного-то кушанья не было приготовлено, подают пироги с горохом; тот говорит: «Что это такое?» Преосвященный смеется: «Пироги с горохом ты ведь, я думаю, едал? Что, разве забыл?»¹⁰¹ Обычный обед владыки в непостные дни состоял из двух простых блюд, но, принимая у себя архимандритов, преосвященный угощал их более разнообразно.

Не смущаясь духом времени, владыка сохранял монашескую простоту обращения, был доступен для всех и имел доброе и любящее сердце, отзывчивое на всякую нужду. Ежедневно келейник раздавал нищим 50 рублей медных денег и 300 рублей ежемесячно развозил по тюрьмам. Многих просителей митрополит принимал лично. Одним из таких просителей стал бедный помещик — отец Аракчеева, получивший от митрополита деньги на обучение сына. Постоянные и щедрые пожертвования совершал владыка на бедных учеников семинарий и на нуждающиеся семьи священнослужителей. Богослужение митрополит Гавриил всегда совершал с обильными слезами и, по свидетельству современников, имел дар прозорливости. «Преосв. Гавриил муж был добродетельный, премудрый, богослов и философ, а больше всего то, что угоден Господу Богу»¹⁰², — писал келейник Феофан.

«Тогда наше познание Иисуса Христа есть действительно, когда добродетель наша совершенна, когда совершенство ее привлекает благодать, и благодать рождает в сердцах наших веру».

Митрополит Гавриил

*Митрофанский корпус Александро-Невской Лавры,
где жил митрополит Таврический*

«Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои...»

На Санкт-Петербургской кафедре Гавриил, как правящий архиерей, воплотил задуманное в Тверской епархии и учредил благочинных для наблюдения за причтом, воспитание которого было для него по-прежнему первостепенной задачей.

Как и в Твери, он обратил внимание на семинарию, помещавшуюся в неудобном деревянном здании. В 1775 г. владыка перевел семинарию под свой надзор, в стены Александро-Невского монастыря. В 1780 г. при семинарии и еще в 5 городах епархии были учреждены русские школы, для которых кроме выделенных сумм регулярно отпускались личные средства владыки на содержание беднейших учеников. В 1788 г. Невская семинария была объединена с Новгородской и преобразована в Главную семинарию, куда посылали учиться лучших воспитанников из епархий. В Главной семинарии ввели преподавание церковной истории, механики, естественной истории, а также математики и опытной физики. Лучшие из студентов назначались лекторами в низших классах. В 1797 г., одновременно с переименованием Александро-Невского монастыря в Лавру, семинария была преобразована в академию, где кроме общих семинарских курсов, начали преподавать полную систему философии и богословия, высшее красноречие, физику и языки: латинский, древнееврейский, греческий, немецкий и французский.

Александро-Невский монастырь был постоянным местом пребывания митрополита Гавриила. Сюда он пришел с крестным ходом из Петропавловского собора 22 сентября 1770 г., став после назначения на столичную кафедру и священноархимандритом этой обители. Правительство не жалело денег на украшение города Петра и его главного монастыря, который продолжал строиться весь XVIII в. В 1770 г. работами руководил обер-прокурор Чебышев, и ему велено было обо всем советоваться с архиереем. Преосвященный Гавриил принял деятельное участие в устройении обители и предложил разместить в возводимых угловых башнях библиотеку и ризницу. Вскоре, как лицу, наиболее близкому к месту строительных работ, и во внимание к «усердию к трудам для славы храмов Божьих», императрица поручила ему руководство строительством. Работы пошли и скорее, и экономнее. Были выстроены семинарские помещения (жилые комнаты, классы, баня, кухня, столовая и больница), монастырская стена, ризница, библиотека, и при этом сэкономлено несколько десятков тысяч рублей.

Барельеф митрополита
Гавриила, помещенный
в Троицкий собор.
Скульптор Ф. Шубин.
18 в.

Александро-Невская
Лavra.
Художник Д. Кваренги
1780-е гг.
Эрмитаж

В феврале 1776 г. владыка представил государыне смету на постройку грандиозного монастырского собора. Троицкий собор был заложен владыкой при участии императрицы 30 августа 1778 г.¹⁰³, освящен 30 августа 1790 г. в присутствии всей царской фамилии и кавалеров ордена Александра Невского¹⁰⁴. Этому церковному торжеству, сопровождавшемуся перенесением в новый храм мощей св. Александра Невского, посвятил стихи Г. Р. Державин. На украшение храма императрица жертвовала неоднократно, а накануне освящения митрополиту Гавриилу была высочайше пожалована алмазная панатия с изумрудами¹⁰⁵. За время строительства собора владыка, не увеличивая расходов, покрыл железом семинарский корпус, достроил каменную ограду и начал строительство богадельни, оконченной впоследствии за монастырский счет.

В 1791 г. работы в обители были завершены. Для увековечения заслуг «директора строения Невского монастыря» Екатерина повелела Академии художеств иссесть из мрамора и поместить в соборе барельеф преосвященного Гавриила. Надпись к нему была заказана Державину, но императрица ее не утвердила, а написала сама: «Во имя Святыя Живоначальныя Троицы, трудами преосвященного Гавриила Новгородского и Санкт-Петербургского, сей храм заложен в 30 день августа 1790 года, в присутствии благочестивой Императрицы Екатерины II». Ныне барельеф работы Ф. Шубина находится в Государственном Русском музее.

Управление Новгородской епархией также требовало немалых сил. Только через год после вступления на кафедру, весной 1776 г., преосвященный Гавриил получил разрешение отправиться в Новгород для обозрения епархии. Здесь он начал деятельность по сохранению древ-

План Новгородского подворья в Москве конца 18 в.

них рукописей Великого Новгорода, повелев списать для себя древний архиерейский чиновник Софийского собора, предписал собрать из всей епархии древние рукописные и печатные книги, составить им опись и хранить их на хорах Софийского собора в особых шкафах. Он вновь установил в Новгороде упраздненные древние крестные ходы в воскресенье после Петрова дня, в Ильин день и в первое воскресенье после Ильина дня¹⁰⁶.

В 1775 г. в новгородском Софийском соборе по его приказанию было возобновлено стенное письмо. Владыка организовал обширные работы по перестройке главного здания архиерейского дома. В 1789 г. митрополит велел освидетельствовать состояние новгородской ризницы и участвовал в хозяйственных делах по ее обновлению.

В документах Новгородского архиерейского дома конца XVIII в. сохранились свидетельства заботы митрополита о рациональном использовании московского подворья на Ильинке. К этому времени подворье полностью отдавалось в аренду. В 1766 г. содержанием подворья стал купец Пастухов с братьями, и еще до вступления преосвященного Гавриила на Новгородскую кафедру причт Ильинского храма написал жалобу, что Пастухов «близ самой церкви сделал трактир, в котором готовится мясная и рыбная пища отчего происходит к церкви противный воздух, от многочисленного в трактире народа бывает в церкви слышан крик, разные игры, песни, музыки, а церковное кладбище он же засыпал щепнем...»¹⁰⁷ Московская контора Синода в 1775 г. «во отвращение вышеписанных неудобств» предложила приписать приход к церкви Космы и Дамиана, а преосвященному Гавриилу «оную церковь и с утварью принять и числить в своем ведомстве». Храм перестал быть приходским, и из Новгорода для совершения богослужений и управления подворьем владыка повелев присылать иеромонахов. В 1784 г. иеромонах Спиридон от имени преосвященного Гавриила на выгодных условиях заключил контракт с новым арендатором части подворья, московским купцом Андреем Горошковым. Другая часть оставалась в содержании наследницы купцов Пастуховых до 1806 г. Все контракты предусматривали строительство новых помещений и поддержание старых в хорошем состоянии. Церковь при этом находилась на содержании архиерейского дома.

Лично проверяя контракты архиерейского дома, владыка и от монастырских властей требовал рачительного отношения к принадлежавшему обителям имуществу: «Нам известно учинилось, что некоторые, забыв звания своего должность, небрежением довели до того подворья, что прежде... получалось по сто рублей в монастырь приходу, а ныне ни одной полушки, и день ото дня приходя в ветхость, наконец совершенно могут разориться»¹⁰⁸, — писал он новгородской консистории.

Несмотря на занятость государственными и епархиальными делами, преосвященный Гавриил много служил и проповедовал, стремясь назидать свою паству. Современник писал, что, произнося наставления, митрополит Гавриил «плениет разум» слушателей. Владыка сдержанно пользовался риторическими приемами, которые были приметой того времени. А. П. Сумароков ставил его в ряду знаменитейших ораторов той эпохи: «...Красота плавного и важного его склада приносит ему... достойную любезного имени его похвалу, и... будет он всегда чество нашего века и в потомстве. Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои и порядочным течением не выходящей никогда из границ своих»¹⁰⁹.

«Блестящий век Екатерины» ценил в преосвященном Гаврииле религиозного писателя и ученого. В своем труде он, как правило, руководствовался практическими целями духовного и нравственного просвещения общества. Еще будучи архимандритом, он перевел на латинский язык изданную в 1763 г. в Москве фельдмаршалом Бестужевым-Рюминым книжку «Стихи, избранные из Священного Писания, служащие ко утешению всякого христианина, неповинно претерпевающего злоключение». Перевод не был издан, но широко распространялся в списках. Заботясь о церковном благочинии, владыка писал общедоступные брошюры и пособия, посвященные вопросам вероучения и обязанностям священников: «Нравоучение христианское краткое» (1770 г.), «Наставление от архипастыря священнику при отправлении к должности» (1778 г.) и другие. Восемь поучений преосвященного Гавриила вошло в «Сборник поучений на все воскресные и праздничные дни», составленный им совместно с Платоном Левшинным. По поручению Синода владыка трудился над редактированием и исправлением Прологов, Триоди, чинопоследования в Неделю Православия, переводов из Илии Минятия и других книг. Занимался он и переводами с классических языков, а также с французского и немецкого.

Им было написано одно из первых произведений русской богословской литературы для широкого употребления «О служении и чиноположениях Православныя Греко-Российския Церкви» с простыми и доступными объяснениями священнодействий и таинств, их происхождения и значения, выдержавшее несколько изданий — в 1795, 1819, 1844, 1863 гг. Были изданы и толкования митрополита Гавриила на шесть апостольских посланий, изложенные им в форме бесед, удобные для чтения с церковной кафедры.

В рукописях остались его толкования на заповеди блаженства, переложения некоторых псалмов Давида и «Размышление о благодати и милосердии Божии к человеку». В бумагах владыки сохранились его выписки и замечания на масонские сочинения.

Признание заслуг преосвященного Гавриила светскими учеными и литературными кругами выразилось в том, что Академия наук в день своего пятидесятилетия в 1776 г. провозгласила его почетным членом¹¹⁰. Видное место он занял и в Российской академии (учрежденной в 1783 г.), поставившей своей задачей очищение и обогащение русского языка. «Ни одно из предприятий академии не было приводимо в исполнение, ни один из крупных вопросов, возникавших в ее среде, не был окончательно решаем без содействия и участия Гавриила», — писал историк Российской академии М. И. Сухомлинов. Некоторое время владыка был фактически вице-президентом академии, участвовал во всех собраниях, представлял собранные материалы, рассматривал труды академиков и других лиц, а также принимал участие в главном труде — составлении «Словаря академии Российской» и руководил отделом по выработке правил его составления. Во многих спорных вопросах при толковании слов обращались именно к нему.

Владыка участвовал и в работе по составлению азбучного словаря и подарил академии необходимую для этой работы литературу. В отчете академии за 1786 г. говорилось, что «его советам и усердию одолжена академия успехами в сочинении словаря»¹¹¹. В том же году труды Гавриила были отмечены золотой медалью академии «Российскому Слову отличную пользу принесшему».

«Чтоб помята об истинна: Евангелія непоколебимы в вас быти, храните умеренность в пице, питии и одежде».

Митрополит Гавриил

Меда.ль Россійской Акаде.иин «Россійско.му Слову отличную пользу принесшему».
18 в.

*Портрет
Гавриила Петрова,
митрополита
Новгородского
и Санкт-Петербургского.
Неизвестный художник.
Начало 19 в.*

Но в среде академии зрело недовольство руководящей ролью духовных лиц во главе с Гавриилом, которые, ревностно исполняя задания академии, заслуживали большие награды. Не желая участвовать в интригах, митрополит Гавриил перестал посещать заседания, не прекращая, однако, работы над словарем и заботясь «о собирании и тщательной проверке материалов»¹¹².

Важное место в деятельности митрополита Гавриила, еще со времени епископства в Твери, занимало стремление преодолеть раскол, усилившийся из-за необдуманной политики государства. Тверская епархия исторически была одной из самых неблагополучных в отношении

раскола. Владыка доносил Синоду, что от умножения раскольников «в иных местах воспоследует упразднить церкви»¹¹³. Его успехи в сокращении вредного влияния раскольников были в 1767 г. отмечены императрицей, которая писала митрополиту Димитрию Сеченову, что «кротость пастыря все сие прекратить может, ибо в вашей епархии и в Тверской есть очевидные примеры сему»¹¹⁴.

Владыка и в дальнейшем предлагал различные законодательные меры, ограничивающие распространение раскола. Он составил для увещевания раскольников «Учиненную из Церковной Истории Никифора Каллиста и других записку, служащую к открытию называющимся старообрядцами заблуждения их»¹¹⁵. Он способствовал развитию единоверия, которое внедрялось очень трудно. Владыка старался помочь действительно желающим сближения с Церковью старообрядцам: допускал у себя в епархиях совершение у них православными священниками треб и даже таинств, например венчания, в той уверенности, что сам факт принятия старообрядцами таинства показывает их приближение к Церкви. Для этого же, как он сам писал в письме к преосвященному Арсению Верещагину, «принятие их к церкви, отрицание и разрешение дозволил делать духовникам на исповеди: сим они больше располагаются к соединению с церковью»¹¹⁶. Он лично и не без успеха увещевал присылаемых к нему раскольников. Один из них – устюжский раскольнический учитель Ксенофонт, позднее принявший в православии иночество и схиму с именем Кириак и написал «исповедь» о своем обращении: «Благоволил призвать меня к себе преосвященный митр. Гавриил для увещания, и не возгнушался моей скверной гордости, но положил святую свою десницу на мое правое рамо, и стал увещевать меня прекроткими и умиленными словесы от самага кроткаго и смиреннаго духа. А я в то время надмен и помрачен быв бесовскою гордостью... отвечал с дерзостью: «Зачем меня долго держишь, отсылай, куда надлежит». На сие сказал он мне тихими и ласковыми словами: «Подумай, Ксенофонт, и разсуди, чего ради я тебя держу? Корысти ли какой от тебя получить хочу или чести желаю? Но истинно о душе твоей пекуся, дабы спасена была от вечной погибели». Потом, видя меня отвращающегося, обратился к стоящему на стене образу Тихвинския Пресвятыя Богородицы и, воздев руки, такую произнес молитву: «Христе Спасителю, пришедый в мир к нам грешным, воззри на сего человека, не внимающего словесем Евангелия Твоего; Боже, умилосердися над Твоим созданием; он не только удален от истины, но и упорствует. Пресвятая Владычица и Заступница христиан, преклони Сына Твоего, да извлечет сего человека из бездны неверия и осуждения и да преклонится к изнеможениям его»¹¹⁷. Молитва святителя тронула сердце раскольника.

Подобным образом был обращен и новгородский расколоучитель купец Маркелл Кукин¹¹⁸, который затем был церковным старостой при Софийском соборе и по поручению владыки раздавал милостыню. По кончине владыки Кукин неопустительно совершал о нем поминовение и бережно хранил подаренные им книги с подписью.

Раскольники не раз обращались к преосвященному Гавриилу, уважая его горячую веру и нравственную силу, видя его прямоту и зная, что с его стороны не будет попустительства. Владыка держался с ними по-пастырски заботливо и проявлял отеческую ревность об их спасении. При обращении к Церкви давал им достойных священников, выбирая иеромонахов из своих лучших обителей.

*«Сожаления достойны
отстающие
от истины искутившего
их Владыки, но больше
должно оплакивать
состояние тех, которые
ввергают и себя, и других
в такую и подобную
погибель».*

Митрополит Гавриил

*Митрополит Гавриил.
Толкования на соборные
апостольские послания.
Издание 1794 г.*

Кроме раскола митрополит Гавриил боролся и с сектантами, беспрепятственно распространявшими свои учения, как, например, духоборы, впущенные в Россию с немецкими колонистами, когда, как писал преосвященный, в России «в умах свирепствовала зараза толерации».

Владыка являлся деятельным участником всех важнейших миссионерских начинаний, придерживаясь в них апостольских требований и побуждаясь ревностью о распространении света Христовой веры.

Он заботился об Осетинской миссии, в возобновлении которой участвовал еще в Твери. Для Дальневосточной миссии владыка предлагал в 1779 г. учредить Камчатскую епархию, но не нашел поддержки у правительства. Через 15 лет владыка направил к промышленникам, достигшим берегов Северной Америки, валаамского иеромонаха Иоасафа (Болотова), который, став начальником миссии, «полагал свое богатство в нестяжании». В помощь Иоасафу, произведенному в архимандриты, владыка дал несколько иеромонахов и иеродиаконов; снабдил их наставлением и всем необходимым для богослужения. В числе сотрудников миссии было пять иноков Валаамского монастыря, среди них — будущий прп. Герман Аляскинский. В первый же год миссионеры окрестили 6740 человек и обвенчали 1573 пары, что побудило преосвященного Гавриила просить императрицу об учреждении в Америке Иркутского викариатства.

При владыке Гаврииле значительно расширилась уже существовавшая Пекинская миссия.

В 1769 г. в нее были включены три ученика Тобольской семинарии, посланные епископом Варлаамом для изучения китайского языка и перевода на него Священного Писания.

В миссионерской деятельности митрополит Гавриил нередко сотрудничал с братом. В век секуляризации и обмирщения всех сторон жизни их объединяла ревность к просвещению народов, не знающих Закона Божия. Еще в 1768 г. в Петербурге, сразу же после хиротонии, епископ Варлаам был включен в состав комиссии об обращении в христианство инородцев¹¹⁹ (созданной вследствие жалоб на самоуправство и злоупотребления миссионеров в Сибири).

В состав комиссии кроме Тобольского епископа Варлаама вошли также преосвященные Гавриил Тверской и Иннокентий Псковский. Сотрудничество с ними дало возможность епископу Варлааму поучиться ведению церковно-государственных дел у более опытного в административных вопросах брата.

Комиссия разработала инструкции для сибирского архиерея и проповедников, утвердила присягу для проповедников и молебны при отправлении их на проповедь. Инструкцию предполагалось напечатать отдельной книгой и разослать по всем епархиям, где есть инородцы, но по высочайшему распоряжению новое положение было в виде опыта приведено в действие в одной только Тобольской епархии¹²⁰.

Преосвященный Варлаам сразу столкнулся с трудностями, сопровождавшими в то время миссионерскую деятельность. Местные власти часто препятствовали проповедникам, посылаемым архиереем: не давали новокрещеным установленных льгот, налагали на них лишние тяготы. Государство отпускало на миссионерские цели ничтожные суммы, хотя и декларировало необходимость просвещения народов Сибири.

*«Российского кунца
Григорья Шелехова
странствование...
к Американским
берегам».
Издано в Санкт-
Петербурге в 1791 г.*

«Варлааме! Гряди во имя Мое!»

Портрет Варлаама,
архиепископа
Тобольского.
19 в.

Преосвященный Варлаам прибыл в Тобольск 5 марта 1769 г., в четверток первой недели Великого поста. По примеру своих предшественников он остановился в Знаменском монастыре. «Не медливши в келье и получаса», он отправился на вечернее богослужение. В субботу владыка служил литургию в монастырской Казанской церкви. В воскресенье, именуемое Неделей Православия, состоялась торжественная встреча нового архиерея. Все градское духовенство в облачениях пришло в Знаменский монастырь встречать владыку, отсюда крестный ход, во главе с преосвященным Варлаамом, отправился в Софийский кафедральный собор. Весь путь крестного хода был украшен специально привезенными свежесрубленными елями; мостовая в городе была устлана лапником, а в кремле — красным сукном. При входе в кремль архиерей был встречен губернатором Д. И. Чичериным и певчими с «как бы мирговыми ветвями в руках». Над аркой была установлена картина, изображавшая встречу Варлаама, с надписью: «Варлааме! Варлааме! Гряди во имя Мое! В сей ты стране овцы Моя храни и заблудшие звери искорени!»¹²¹ В соборе владыка совершил чин Православия, отслужил литургию и сказал проповедь. Богослужение завершилось молебном Успению Божией Матери. По выходе преосвященного из собора в архиерейский дом производился колокольный звон и пальба из пушек. Эта великолепная встреча была устроена губернатором отчасти по обычаю того времени, а отчасти, чтобы поразить воображение нового архиерея, поскольку с прежним губернатором были довольно плохие отношения.

Сибирская епархия была в то время весьма обширна, бедна и разноплеменна. Тобольские архиереи, хотя именовались до Варлаама митрополитами, охотно бы поменялись местами со многими простыми епископами. Нравы здесь были грубы, почти дики. Образованных людей было мало, зато проживало множество ссыльных, раскольников и язычников. Епархиальному архиерею предстояла тяжелая задача: управлять огромной епархией, бороться с расколом, просвещать инородцев, укреплять веру новокрещенных.

Миссионерская деятельность была в упадке: в 1753 г. крестилось 462 иноверца, в 1765 г. — 167, в 1768 г. — только 30 человек¹²². После секуляризации штатные проповедники в Тобольске несколько лет не получали положенного жалования, а потому одни к проповеди не приступали, другие самовольно ездили куда хотели и вымогали деньги.

Отправляясь в отдаленные и дикие места, они проповедовали на непонятном для инородцев русском языке, крещенных оставляли без наставления, так что те почитали за божество бумагу, на которой был написан Символ Веры¹²³.

Предшественник Варлаама митрополит Павел (Конюшкович) не подходил на роль епархиального администратора и миссионера. Строгий аскет, он был суров к окружающим и жесток с духовенством: заключал в кандалы и бил плетью за пьянство и другие проступки, не церемонился и со светскими чиновниками: налагал запрещения за «надменную гордость к священ-

Тобольский кремль.
Фото 19 в.

ному чину» и «преобидение церкви Божией»¹²⁴. Он не ладил с губернатором Чичериным, который был облечен большими полномочиями и пользовался благоволением императрицы.

Назначая на Тобольскую кафедру Варлаама, императрица надеялась на прекращение конфликтов и доносов на архиерея, которые приходили из епархии во множестве. Владыка Варлаам действительно сумел, как писали современники, «снискать искреннюю приязнь и уважение Дениса Ивановича».

Следующий тобольский губернатор, А. В. Алябьев («человек деятельный и энергичный, живо относившийся ко всякому делу», отец известного композитора), был в дружеских отношениях с владыкой, часто принимал архиерея у себя и сам бывал у него в гостях. Оба уделяли большое внимание просвещению: Алябьев жертвовал собственные средства на содержание Тобольского народного училища, а епископ Варлаам заботился о воспитании будущего духовенства.

Тобольская семинария помещалась в архиерейском доме, где в 1748 г. было построено каменное здание для шести классов. Предшественник Варлаама, из-за недостаточной вместительности семинарии, учредил более 10 школ из четырех классов в отдаленных местах епархии, откуда ученики поступали в семинарию сразу в класс пиитики¹²⁵.

В 1770 г. преосвященный Варлаам перевел семинарию в более просторные и удобные помещения тобольского Знаменского монастыря. Ректором в то время был Знаменский архимандрит Михаил Миткевич, позднее ставший епископом Иркутским и с помощью владыки Варлаама в 1780 г. учредивший Иркутскую духовную семинарию, где преподавателями ста-

*Портрет
Михаила Михайловича,
епископа Иркутского.
19 в.*

новились по преимуществу тобольские воспитанники. Обе семинарии занимали видное место в культурной жизни Сибири. Здесь были собраны богатые библиотеки, хранившие помимо книг на русском и иностранных языках уникальные рукописи.

В 1773 г. владыка Варлаам с помощью брата пригласил на должность ректора Тобольской семинарии знакомого ему по Киеву проповедника Киево-Братского монастыря иеромонаха Илию Шумилевича. По прибытии в Тобольск Илия, «муж строгих правил и неусыпный к своей должности», был произведен в архимандриты Знаменского монастыря и определен представителем монашества в консисторию. Он много потрудился для улучшения преподавания и составил инструкцию, на много лет ставшую руководством для семинарской жизни. С 1799 г. ректором стал воспитанник той же семинарии, ключарь Тобольского кафедрального собора Матфей Бурдуков, выросший на глазах святителя и любимый им. Овдовев, иерей Матфей по совету преосвященного Варлаама принял монашество с именем Михаил и стал Знаменским архимандритом, а в 1814 г. — Иркутским архиереем.

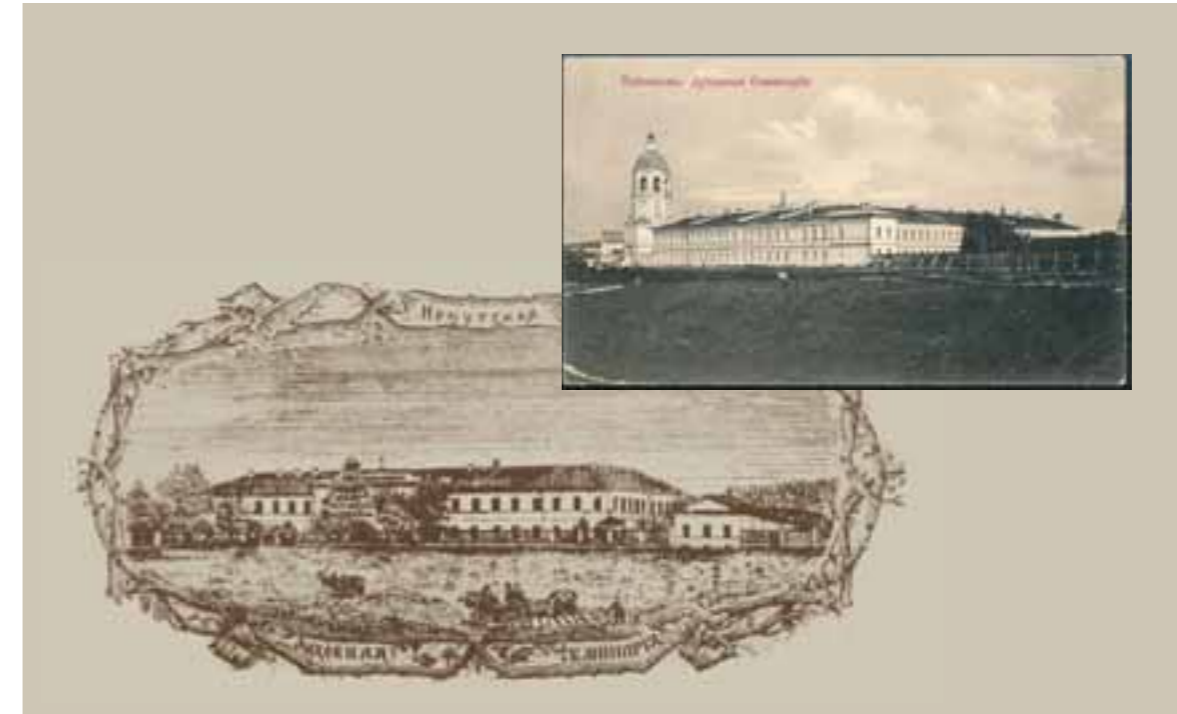
Одной из главных бед духовного образования в Сибири было нищенское содержание, отпущавшееся из казны. Преосвященный Варлаам писал в Синод: «За мало положенною суммою латинские держать школы, также учителей награждать жалованьем нечем..., ученикам содержания... крайне бывает повсягдно недостаточно»¹²⁶. Но ходатайства оставались без удовлетворения.

В декабре 1776 г. ректор семинарии архимандрит Илия доносил преосвященному Варлааму, что «выданное из Тобольской губернской канцелярии жалованье на содержание учеников семинарии все до полушки издержано, и потому до нового года содержать учеников не на что»¹²⁷. В таких случаях архипастырь обеспечивал нужды бursы из собственных средств.

Духовным регламентом предписывалось обеспечивать учеников пищей и книгами; одевать их обязаны были родственники. Но причт Тобольской епархии был беден. В 1775 г. преосвященный Варлаам доносил Синоду: «Ученики за дальностью и убожеством своих родителей содержатся на семинарский кошт и снабжаются как платьем, книгами, бумагою, так и пищею»¹²⁸. Источник к содержанию семинаристов был найден архиереем в зачислении за ними праздных причтовых мест в уездных городах и селах, откуда им высылались часть церковных доходов. Некоторые семинаристы состояли в клире тобольских храмов. Зачисленные места имела почти половина учащихся семинарии.

Сохранились описания быта тобольских семинаристов того времени¹²⁹. Обеды и ужины учеников в будние дни состояли из одного блюда. В скоромные дни готовили щи со свежим или соленным мясом. В пост ели уху или похлебку из свежей, соленой или сухой рыбы. В строгие дни варили горох, заменяя его иногда толочком или киселем из пшеничных отрубей или овсяной муки. В воскресенья и праздники кроме щей или похлебки давалось холодное из свинины или молоко и белый хлеб.

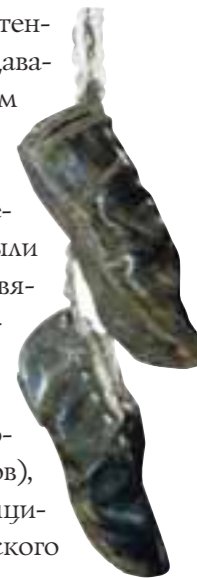
Одеждой бурсаков были зипун из деревенского сукна, армяк, шерстяная или бумажная опояска, овчинная шуба для зимы, рукавицы, шапка. Обувью служили чарки. Зипун и шуба выдавались на два года; чарков и чулков с подвязками выдавалось по две пары в год. В церковь, в гости, иногда в классы ученики ходили в кафтанах из синего турецкого сукна, во все остальное время носили халаты из тика.

*Тобольская и
Иркутская семинарии.
Открытки 19 в.*

Стричься ученики начали только в конце XVIII в., до этого носили длинные, заплетенные в косы волосы и бороды. Коек и тюфяков для казеннокоштных учеников не выдавалось, спали они или вповалку на полу, или на классных столах и скамьях. Некоторым вместо тюфяков выдавались войлоки, оббитые холстом, большинство же спало на своих шубах и зипунах, заменявших и подушки.

Весною 1788 г. Знаменский монастырь сторел в большом городском пожаре. Теперь монастырская братия, ректор, учителя, ученики, классы и кухня должны были стесниться в одном, наскоро починенном каменном корпусе. Несколько раз преосвященный Варлаам безуспешно обращался с ходатайствами об отпуске денег на постройку нового здания для семинарии, а число учащихся, превысившее три сотни, продолжало увеличиваться. Стараниями архипастыря повышался и уровень образования. При владыке Варлааме в семинарии было введено полное преподавание богословия, с 1785 г. — греческого языка, с 1788 г. — татарского (для подготовки миссионеров), с 1793 г. — математики, физики, высшего красноречия и географии, с 1802 г. — медицины. Незадолго до своей кончины архиепископ предполагал ввести изучение вогульского языка. В период его правления Тобольская семинария была одной из восьми российских семинарий с полным восьмиклассным курсом. Со всей Сибири к владыке обращались с просьбами прислать выпускников на должности гражданской службы, учителей народных и уездных училищ. По его благословению городские священники, бывшие семинаристы, не

*Обувь семинаристов -
чарки*

*Абалакский Знаменский
монастырь*

только возвещали Слово Божие, но и просвещали своих прихожан в житейских делах, произнося проповеди о пользе привития оспы или разведения диковинного тогда в Сибири картофеля.

Для продолжения учения в Александро-Невскую высшую семинарию были отправлены лучшие ученики: П. Словцов, Л. Земляничын и Г. Мансветов. Когда в 1798 г. была открыта Казанская академия, то посылать студентов стали туда.

Большое внимание архиепископ Варлаам уделял иконописи, которой учился еще в юности. Став архиереем, он продолжал писать иконы, и известен случай, когда преосвященный благословил туринского воеводу Ивана Панаева образом Божией Матери собственного письма¹³⁰. Святитель наблюдал за работой местных иконописцев, благословлял желающих церковнослужителей на обучение у опытных мастеров. К писанию икон он допускал только получивших специальный аттестат, а для этого лично рассматривал представленные образы. Из-за «неискусной работы» икон, поступавших из Суздальской епархии, владыка обратился в Синод с просьбой «запретить писать и ввозить в Сибирь иконы без освидетельствования их местными архиереями»¹³¹. В 1800 г. его заботами в семинарии был открыт специальный класс рисования. Учителем был приглашен лучший живописец города — староста иконописного цеха П. Мирюсов.

Заботами святителя Варлаама, «ради постоянного и торжественного прославления чудотворной Абалакской иконы Знамения Божией Матери» — одной из главных святынь Сибири, был основан одноименный мужской монастырь в 25 верстах от Тобольска, в селе Абалакское. Икона находилась здесь с 1637 г., а в 1691 г. в селе был построен Знаменский собор. Для создания новой обители по представлению владыки сюда в 1783 г. были переведены монахи из древнего, но отдаленного Невьянского Богоявленского монастыря¹³².

Первым настоятелем Абалакской обители стал игумен Маргарит. Верный и многолетний помощник святителя, приехавший с ним из Ниловой пустыни Тверской епархии*, все эти годы был экономом Тобольского архиерейского дома. Его стараниями при скудном содержании от казны архиерейский дом не только не бедствовал, но и постоянно уделял средства на семинарию. Игумен Маргарит руководил многими строительными работами, (например, возведением колокольни Софийского собора); способствовал сбору денег на строительство храмов. Но известны и случаи гнева владыки Варлаама на своего эконома: игумен Маргарит «был не прочь от поборов с протоиереев, благочинных и священников»¹³³. Однако, как свидетельствует предание, это были в основном добровольные приношения в благодарность за услуги эконома, и эти средства он раздавал бедным.

В Абалакский монастырь была переведена также имевшаяся при архиерейском доме ставленническая школа, где будущие клирики учились пению, церковному чтению и отправлению богослужения. Ставленники приезжали сюда из самых отдаленных уголков епархии, иногда за тысячу верст, и часто по несколько месяцев проживали за счет игумена Маргарита, который, как и владыка, был знатоком церковного пения. Тобольск, по воспоминаниям старожилов, славился в то время красотой и чинностью богослужений.

Много сил приложил игумен к строительству нового монастыря, вначале деревянного, а позднее постепенно отстроенного в камне. Для содержания обители владыке удалось испросить рыбные ловли, угодья и мельницу, а затем увеличить (небольшую вначале) штатную сумму до 1,5 тыс. рублей в год.

Святитель Варлаам, как и митрополит Гавриил, был неутомимым строителем храмов. За время его управления епархией было построено более 30 каменных церквей, множество приделов и колоколен. Некоторые из них освящены самим святителем во время поездок по епархии. Доныне сохранился, например, храм Седьми отроков Ефесских за городским валом, построенный на новом кладбище по указу губернатора Чичерина и освященный владыкой в 1776 г.

В 1780-х гг. святитель Варлаам, с помощью брата, испросил у императрицы средства на исправление обветшавшего кафедрального собора Тобольска и на постройку двух каменных корпусов в архиерейском доме¹³⁴. На выделенные деньги владыка укрепил стены собора, покрыл его железом, вызолотил маковицы и кресты. По его приказу под маковицей были изображены Христос и 12 апостолов. Иконостас, написанный в 1704–1706 гг. киевскими иконописцами, был поновлен «по тому же прежнему греческого стиля письму и явился вновь возбуждающим благоговение к православной древности». На освящение обновленного собора 20 июня 1787 г. пришли горожане всех сословий. Затем началась постройка новой колокольни собора взамен прежней, но она «...от несоответственности фундамента упала». Тогда

** В Ниловой пустыни
иеродиакон Маргарит был
головщиком (первым певцом
и руководителем хора).*

*Абалакская икона
Божией Матери.
Из Покровского храма
Тобольского кремля*

*Впадение Тобола
в Иртыш близ
Тобольска.
Художник Е. Корнеев.
1810 г.*

преосвященный Варлаам написал воззвание к пастве о добровольном приношении; обратился за помощью к наместнику края и губернатору, которые прислали щедрые пожертвования. На собранные от «доброхотных дателей» деньги колокольня была построена.

Преосвященный Варлаам в своих заботах мог положиться на помощь младшего брата, принявшего на себя крест заботы о всей Русской Церкви. Ничего неизвестно о поездках святителя Варлаама в столицу. Но братья шли рядом в своих трудах — их связывала переписка и взаимная молитва. Митрополит Гавриил ходатайствовал о нуждах Тобольской епархии перед императрицей и часто получал необходимое. В лице Варлаама он имел надежного помощника в Сибири. А Тобольский епископ благодаря заботе брата мог больше времени посвящать иноческим подвигам, которых искало его сердце. Сибирская паства любила своего кроткого, молитвенного и благодатного архиерея. В короткий срок он сумел прекратить поток жалоб в Синод, разрешив многие распри и умирив страсти своих подчиненных.

Митрополит Гавриил – устроитель иноческой жизни

Еще в Тверской епархии владыка Гавриил благоустраивал монастыри после разорения от екатерининской реформы и старался поднять духовно-нравственный уровень монашества. Теперь он продолжил попечение об иночестве уже в масштабах страны. Но даже при высоком положении в церковной иерархии он был несвободен в своих действиях, поскольку сталкивался с политикой правительства, состоявшей в утилитарном использовании монастырей и ограничении числа монашествующих (для уменьшения потери рабочих рук).

Со времен Петра I монастыри наполнялись в основном отставными военными, вдовыми священнослужителями и случайными людьми, что вызвало чудовищное падение нравственного уровня русских обитателей.

Екатерина смотрела на монашество так же, как и Петр. Против истинного подвижничества она не возражала, но тот монашеский быт, о котором знала императрица, не находил сочувствия в ней и ее друзьях-философах.

*Александр-Невская
Лavra.
Литография. 1820-е гг.*

*«...Берегитесь
остановляться
в беззаконной жизни,
полагая, что вы,
привыкая к малым, по
вашему мнению, грехам,
потом привыкните
к великим, к тем, которые
вас отлучат от Бога
и от вечной жизни...».*
Митрополит Гавриил

Отобрание вотчин Екатерина мотивировала и тем, что монастыри утратили нравственное право на обладание ими. Когда в 1762 г. Троице-Сергиева Лавра просила при сочинении духовных штатов сохранить ей вотчины и прежние привилегии (во внимание к ее особому положению), государыня велела представить сведения о распределении лаврских доходов, чтобы выяснить, насколько они употребляются на церковную пользу¹³⁵. Лавра требуемых доказательств не представила и потому разделила общую участь.

Даже в столичных монастырях насельники были далеки от идеала. Так, из Александро-Невского монастыря, находившегося под непосредственным наблюдением преосвященного Гавриила, наместник в 1774 г. доносил о бесчинствах и пьянстве двух иеродиаконов, один из которых еще и многократно отлучался из монастыря без дозволения. Гавриил запретил диакона в священнослужении и велел послать в Коневский монастырь. В 1787 г. был сослан в Иверский монастырь за невоздержное пьянство другой иеродиакон, но в 1789 г. прощен, с обязательством впредь не пьянствовать. В 1784 г. митрополит Гавриил распорядился «монашествующим и бельцам за пьянство, самовольные отлучки и непослушание не давать денег, а употреблять по рассмотрению настоятеля на необходимые их нужды и содержать в работе, если же не исправятся, содержать в работе при консистории до исправления»¹³⁶. В 1794 г. он дал для Александро-Невского монастыря инструкцию, когда отворять монастырские ворота и как наблюдать за выходом из обители монахов и входом посторонних людей; в каком порядке лаврским священнослужителям отправлять службу. В 1797 г. владыка издал предписание: «Александро-Невского монастыря монашествующим, которые к началу пения приходять не будут, кроме болезни, не давать в тот день трапезы. А которые будут приходять в церковь на пение, заплетая косу, у тех за каждое пение вычитать из кружки по 10 коп.»¹³⁷.

Согласно ведомостям того времени, различным взысканиям за пьянство и проступки подвергалось во многих монастырях не менее половины насельников.

При закрытии в 1764 г. десятков обителей образовалось большое число «сверхштатных» иноков, которых растасовали по оставленным монастырям механически. При этом постриги были запрещены до распределения «излишних» монахов, а само пострижение усложнялось множеством «запретительных» указов. Количество монашествующих начало быстро уменьшаться. Когда преосвященный Гавриил вступил на Санкт-Петербургскую кафедру, процесс оскудения нарастал: в 1769 г. в великороссийских монастырях не хватало до штата 250 человек, а в 1771 г. было уже 430 свободных вакансий. При этом в обителях не хватало грамотных монахов и священнослужителей, так что часто некому было отправлять службу.

В 1786 г. светской властью была проведена секуляризация в Малороссии. Все, что мог предпринять руководимый митрополитом Гавриилом Синод, — это не делать никаких шагов навстречу реформе. Множество сверхштатных монахов из Малороссии были распределены по требованию Сената по российским обителям номинально (заполнив нормы, но оставаясь на прежних местах). Так что оскудение от таких мер только усилилось.

Характерным было положение Новгородской епархии. Она всегда славилась многочисленностью и древностью обителей, и оскудение монастырей было здесь более заметным.

В 1757 г. в ней было 83 мужских монастыря и 25 женских. По штатам 1764 г. епархия могла иметь 38 обителей. Ко времени вступления на кафедру преосвященного Гавриила монастырей здесь осталось 32; к 1788 г., после ряда административных преобразований, значилось только 27.

Положение в других епархиях было сходным. Редкие случаи восстановления закрытых обителей бывали за счет упразднения какого-либо другого монастыря, но в основном штатная норма не наполнялась.

Митрополит Гавриил не стремился увеличить число монастырей, не имея достойных насельников. Но он охотно помогал тем, кто стремился возродить иноческую жизнь в той или иной обители. По просьбе Тихвинского архимандрита был восстановлен (из числа упраздненных) и приписан к Тихвину Антониев Дымский монастырь с введением в нем общежительного устава. Обветшавший Разважский монастырь был приписан к Новгородскому архиерейскому дому. В 1798 г. по просьбе Новозерского архимандрита к его обители (с условием, чтобы служение исправлялось от его монастыря) приписали упраздненную пустынь Нила Сорского, где почивали мощи преподобного. Хотя пустынь не была официально восстановлена, но из приходской церкви снова стала приписным монастырем.

Большое участие принял владыка в восстановлении московского Симонова монастыря. По штатам 1764 г. монастырь был записан ставропигиальным и первоклассным, но указом 1788 г. упразднен и отдан под госпиталь. Через несколько лет москвичи обратились к митрополиту Гавриилу с ходатайством о возобновлении обители, обязуясь содержать ее и вы-

*Симонов монастырь
в Москве*

*Архимандрит
Феофан Новозерский.
Травюра 19 в.*

ражая желание, чтобы в монастыре было установлено общежитие. Владыка поддержал ходатайство. В 1795 г. Симонов монастырь был восстановлен высочайшим указом.

Строя и украшая столичный Невский монастырь, владыка использовал возможность пополнять состав его братии. Поскольку сюда разрешалось вызывать монашествующих, он просил прислать из Киевской и Белогородской епархий 10 человек иеромонахов и монахов, способных для клиросного пения. В 1782 г. для поднятия монашеского духа в обитель были присланы пять монахов из Софрониевой пустыни. Среди них был монах Феофан (Соколов). Митрополит обратил внимание на его усердие, добросовестность, постоянную кротость и спокойную рассудительность. Феофан стал келейником владыки Гавриила и прожил при нем около десяти лет. Жизнь мудрого благочестивого иерарха служила для о. Феофана постоянным назидательным примером. Нравственные качества келейника снискали ему полное доверие преосвященного¹³⁸. Митрополит не раз советовался с ним об иноческих делах и пользовался его рекомендациями: некоторые из лично знакомых келейнику подвижников были поставлены владыкой во главе монастырей и возродили в них духовную жизнь.

По ходатайству о. Феофана митрополит Гавриил просил императрицу за опального Санакарского игумена Феодора и помог возвратить старца в его обитель. В дальнейшем митрополит Гавриил писал прп. Феодору в Санакары, прося его молить¹³⁹.

Самого о. Феофана владыка в 1785 г. рукоположил в иеромонаха, а в 1791 г. произвел в игумены Моденского монастыря. Игумен Феофан сумел поднять иноческий дух в обители, значительно увеличил число братии и оставил о себе память обширным строительством¹⁴⁰. Вскоре владыка сделал игумена Феофана архимандритом Кириллова Новозерского монастыря. О. Феофан установил здесь общежительный порядок, подавая братии пример его строгого исполнения. Разрушенный прежде монастырь стал местом аскетических подвигов. В 1799 г. архимандрит Феофан был назначен благочинным над несколькими монастырями Новгородской епархии. Навещая владыку, он продолжал исполнять при старце-митрополите должность келейника, трогательно заботясь о нем. Архимандрит Феофан долго пережил своего благодетеля, был известен духовными подвигами и старчеством. Он скончался в 1832 г., завещав на оставшиеся после него средства первым поминать «преосвященнейшего митрополита Гавриила»¹⁴¹.

Митрополит Гавриил всюду искал опытных старцев, умудренных в духовной жизни, на практике убеждаясь, что они более пригодны для устройства монастырей, чем ученые архимандриты. Наилучшим средством возрождения обителей владыка считал сочетание общежительного устава с руководством опытного наставника.

Особенное внимание митрополита обратил на себя Валаамский монастырь. Он может служить ярким примером деятельности преосвященного Гавриила по возрождению монашеской жизни.

В начале 1760-х гг. братия Валаамского монастыря состояла из 18 престарелых монахов и послушников. Секуляризация лишила монастырь вотчин и крестьян: «обитель пришла в крайний упадок: некому было обрабатывать поля, рубить дрова и справлять другие монастырские работы»¹⁴². Служба совершалась белым священником, который обосновался на острове с дьяконом и четырьмя причетниками с семьями. Бельцы, по свидетельству мона-

стырской летописи, «нерадиво исполняли свои обязанности, только спорили с игуменом о доходах»¹⁴³.

Монастырь притесняли местные жители: «Не оберегаемые никем, острова монастырские самовольно посещаемы были береговыми жителями, которые приезжали сюда для ловли рыбы и стреляния тюленей. От их неосторожности случались частые пожары в монастырских владениях»¹⁴⁴.

Владыка возрождал Валаам постепенно. В 1771 г. вернул в обитель игумена Ефрема, после секуляризации находившегося в Александро-Свирском монастыре. Местный житель, сын священника и истинный монах, игумен Ефрем был почитателем прпп. Сергия и Германа — основателей древнего Валаама¹⁴⁵. Через десять лет преемником игумена Ефрема стал саровский старец Назарий Кондратьев, при котором на Валааме начался подлинный расцвет иночества.

Отец Назарий был человек неученый, но он был строгим иноком, смиренным и простым, прославившимся духовными подвигами. Он прошел все ступени монашеского делания, семь лет жил в уединении и носил рубище. На него владыке Гавриилу указал Тамбовский епископ Феофил. Но саровская братия не хотела лишиться старца, и настоятель в письме преосвященному Гавриилу охарактеризовал о. Назария как неученого, почти глупого человека. «У меня много своих умников, — написал в ответ владыка, — пришлите мне вашего глупца»¹⁴⁶. При знакомстве преосвященный Гавриил в полной мере оценил духовность и смирение старца. На вопрос: «Кто у него хуже всех?» о. Назарий отвечал: «Все хороши». — «Ужели-то нет никого худого?» — «Владыко святой, я один»¹⁴⁷. Указом от 7 марта 1782 г. о. Назарий был определен строителем Валаамского монастыря¹⁴⁸; затем возведен в сан игумена. Два года спустя на Валаам отправились еще два саровских инока: иеромонах Илларион и монах Гервасий.

В 1782 г. владыка Гавриил писал Тамбовскому преосвященному: «Благодарю за увольнение о. Назария; он в Валаамском монастыре устроил порядок пустынный. Прошу приказать, переписав устав Саровские пустыни, прислать ко мне»¹⁴⁹. Валаамские иноки общим приговором утвердили общежительный устав «настоящим и будущим монахам неотложно». Митрополит Гавриил архипастырской грамотой преподал им свое благословение на обновленную жизнь, подчеркивая важность для монастыря почитания святых Сергия и Германа. О. Назарий составил подробные старческие наставления инокам о монашеском подвиге¹⁵⁰.

В помощь старцу Назарию был назначен казначей — валаамский постриженник о. Иннокентий Морув, который был хорошо известен преосвященному Гавриилу по Александро-Невскому монастырю, где исполнял должность ключника. В дальнейшем Иннокентий стал преемником о. Назария.

В канцелярии митрополита Гавриила в это же время были исследованы жития общерусских святых — Александра Свирского, Сав-

*Валаам.и.
Диа.левая икона
(на.ло.иническая рел.кв.в.).
19 в.*

*Преподобный
Назарий Валаамский*

ватия Соловецкого, Авраамия Ростовского, предания о местных карельских святых, связанных с древним Валаамом; проводилась работа по изучению валаамской истории¹⁵¹.

Владыка привлекал благотворителей к пожертвованиям на строительство обители. «Старайтесь поспешить строить монастырь, — писал он о. Назарию в 1783 г., — доброхотный датель... обнадеживает еще 2000 рублей дать, когда увидит успех в вашем строении»¹⁵². При о. Назарии были построены каменные корпуса для братии, три храма, в том числе собор; в 1793 г. — больница для монахов. По ходатайству владыки в 1786 г. Валаамскую обитель включили в число штатных и увеличили число насельников, переведя сюда братию Духова монастыря. По просьбе о. Назария владыка добился удаления с Валаама ежегодной винной ярмарки.

В 1787 г. был заложен двухэтажный каменный монастырский собор. При этом казначей Иннокентий увидел сон, содержание которого было сообщено преосвященному Гавриилу. В видении работами по закладке собора руководил сам митрополит. Явившиеся прпп. Сергей и Герман благословили строительство, и владыка освятил нижнюю церковь в их честь. Во исполнение воли преподобных нижний храм (ставший как бы фундаментом всего нового собора) по завершении работ был с благословения митрополита Гавриила действительно освящен казначеем Иннокентием в честь святых Сергия и Германа¹⁵³.

Владыка восстанавливал иноческую жизнь и в других монастырях. Среди монахов было известно, что у него всегда могут найти помощь искатели иноческого благочестия. Он состоял в переписке со многими ревнителями монашеской жизни, опытными старцами, с настоятелями лучших обителей, отыскивая подвижников, годных к руководству монастырями.

По совету о. Феофана владыка поручил строителю Песношского монастыря Игнатию устроить запустевший Тихвин монастырь, не без труда добившись у Синода назначения архимандритом неученого человека. Архимандрит Игнатий навел в Тихвине порядок и был переведен в возобновленный Симонов монастырь¹⁵⁴. В Зеленецком монастыре стал настоятелем «человек святой жизни» игумен Нифонт¹⁵⁵. В Моденский монастырь после игумена Феофана Соколова был назначен игумен Герасим Князев, который затем стал архимандритом Тихвина монастыря¹⁵⁶. В Невском и Моденском монастырях подвизался иеромонах Мельхиседек Короткий, впоследствии архимандрит Спасо-Яковлевского монастыря и схимник Оптиной пустыни.

В 1790 г. стараниями митрополита Гавриила наместником Коневского монастыря был поставлен ученик Паисия Величковского старец Адриан Блинский. На Коневце был устроен скит во имя Казанской иконы Божией Матери, куда из брянских лесов переселились пустынники Василиск и Зосима¹⁵⁷. Через десять лет старец Адриан принял схиму и удалился в Симонов монастырь, а прпп. Василиск и Зосима для усиления своих подвигов испросили разрешения отправиться в Тобольск к святителю Варлааму.

Владыка Гавриил вводил общежитие в монастырях, где для этого возникала подходящая почва. В 1794 г. по представлению архимандрита Антония был сделан общежительным Вяжицкий монастырь. В 1792 г., по согласию всей братии, введено общежитие в Николаевском Моденском монастыре. В 1795 г. заведен общежительный порядок в Троицко-Серги-

*Преподобные
Сергий и Герман
Валаамские.
Травюра 19 в.*

*Портрет
преподобного Паисия
Величковского.
Неизвестный художник.
Конец 18 в.*

евой пустыни близ Петербурга, а затем в новгородских монастырях — Иверском, Клопском, Отенском, Дымском, в Филиппо-Ирапской пустыни¹⁵⁸. Постепенно общежитие было заведено в десяти монастырях Новгородской и в двух Санкт-Петербургской епархии. В 1795 г. митрополит Гавриил дал для новгородских монастырей краткие «правила общежития». В 1799 г. Синод предписал в каждой епархии «завести хотя по одному общежительному монастырю, который был бы примером для прочих»¹⁵⁹.

Игумен Валаамского монастыря Назарий был помощником митрополиту в устройении обителей. По поручению владыки он объезжал общежительные монастыри и наблюдал за их состоянием. В марте 1796 г. он писал: «По воле вашего высокопреосвященства... была во многих общежительных монастырях, в коих слышал от настоятелей жалобы на новопостриженных монашествующих, что многие... не выжив в том монастыре года, переходят в другой монастырь, а при том и без согласия настоятеля, ... от чего происходит неустойчивость, и делаются неспособными к продолжению монастырской жизни. Того ради... прошу особым вашим приказанием снабдить все общежительные монастыри спб. и новгородской епархии, чтобы по пострижении монаха в том монастыре жить неотменно три года; по прошествии же трех годов, хотя переведен будет в другой, но и в том также должен жить три же года, от чего и может быть каждый монастырь в соответствующем благосостоянии; а равно и монах, выжив на одном месте три года, удобнее может быть к продолжению монашеской жизни. Переводить же из монастыря в другой как по желанию просителей, так и по воле обоих монастырей настоятелей...»¹⁶⁰ Консистория, по повелению митрополита, разослала такое предписание по всем монастырям.

Порой общежитие в монастырях устанавливалось не без труда, встречая сопротивление насельников, не стремившихся к иноческим подвигам. В 1794 г. в Вяжищском монастыре монах Квинтиан не хотел подписаться с прочей братией в получении указа с правилами общежития, и «все оные с укоризной отвергал... всю братию и казначея ругал, что они, как безумные соглашались на таковые правила»¹⁶¹. На увещевания казначея, он, «взяв нож, с ругательствами и угрозением против тех, которые бы покусились его взять, убежал». Некоторые пытались выслужиться на «общежитии». В 1792 г. наместник Юрьева монастыря обратился с прошением определить его настоятелем другой обители, где «игумен дряхл», обещая завести там общежительный порядок. Преосвященный Гавриил, понимая, что не смиренный инок не может воспитывать братию, велел «просителю сделать строжайший выговор, чтобы на места не напрашивался, а особливо где есть настоятель»¹⁶².

Владыка знал, что способности настоятеля во многом обусловлены его монашескими качествами. «Белозерский монастырь, — сообщал он преосвященному Амвросию, — до крайнего упадка от настоятеля доведен, башня упала, и многие здания к тому же наклоняются. Итак, я принужден просить таких настоятелей, которые бы думали не о столах и гостях, а о своей должности»¹⁶³. В другой раз он с возмущением писал о кандидате в настоятели, который сам сознался, «что его желание не монастырь устроить, а своих детей и дом»¹⁶⁴.

Как ревнитель монашеской жизни, владыка заботился о святынях и памятниках иноческих подвигов угодников Божиих. При нем в Сковородском монастыре была устроена рака для мощей свт. Моисея; в Юрьеве — рака для мощей свт. Феоктиста, перенесенных из

Тихвинский монастырь

упраздненного Благовещенского монастыря; в Синозерской пустыни — рака для мощей прп. Евфросина, в новгородском Софийском соборе — рака для свт. Никиты. Во главе Синода митрополит Гавриил принимал участие в прославлении святого Феодосия Тотемского, мощи которого были обреты в 1796 г.¹⁶⁵

Митрополит Гавриил приложил все усилия, чтобы направить монашескую жизнь по пути внутреннего подвига, трудовой, скромной и благочестивой духовной жизни. Ведомости о поведении иноков свидетельствовали, что с введением общежития нравственность насельников заметно повышалась. Опустевшие новгородские монастыри наполнялись монахами. Церковная власть стремилась, чтобы в каждой епархии был хотя бы один общежительный монастырь; а у митрополита Гавриила в одной новгородской епархии их насчитывалось до десяти. Владыка собирал вокруг себя лучшие монашеские силы; своим примером возбуждал ревность к устройению монашества и в других русских архиереях. Среди иноков его общежительных монастырей духовно возрастали будущие руководители обителей разных епархий.

Поднимая внутренний дух монашества, владыка Гавриил способствовал переводу и изданию духовной литературы. Благодаря ему на русском языке было издано «Добротолюбие» — сборник душеполезных сочинений, прочно вошедший в круг аскетического чтения монахов, а позже и мирян. Перевод с греческого был сделан прп. Паисием Величковским. В 1791 г. ученик прп. Паисия — монах Афанасий привез в Петербург греческое издание

*Преподобный Филарет
(в схиме Феодор)
Пуляшкин.
Рисунок 19 в.*

книги и ее славянский перевод. Митрополит Гавриил отдал перевод на правку знатокам греческого языка из Александро-Невской академии и преподавателю греческого языка в Троице-Сергиевой Лавре Я. Д. Никольскому. Над правкой также трудились духовно опытные иноки, которые, как говорил митрополит Гавриил переводчикам, «хотя и не знают так, как вы, греческого языка, но лучше вас знают из опыта духовные истины, непостижимые одним только книжным учением, и потому правильнее вас могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этой книге»¹⁶⁶. В феврале 1791 г. по распоряжению владыки для подготовки издания «Добротолюбия» в Синодальной типографии были отправлены в Москву иеромонах Филарет и схимонах Афанасий. Продолжая свой труд над переводом, они проживали на Новгородском архиерейском подворье на Ильинке. Вскоре к ним присоединился иеромонах Мефодий, посланный Валаамским игуменом Назарием.

Выбор места был промыслительным — Новгородское подворье в Москве было родиной владыки. Здесь находилась приходская церковь Ильи пророка, в которую когда-то отроки Петр и Василий ходили с родителями.

Управлять подворьем и совершать священнослужение в храме Ильи пророка по благословению преосвященного Гавриила был поставлен иеромонах Филарет Пуляшкин. Он также направлял выверенные книги настоятелю ростовского Яковлевского монастыря архимандриту Авраамиию для освидетельствования. Когда работы близились к окончанию, игумен Назарий подал в Синод прошение о напечатании книги за свой счет и получил такое разрешение. Русский текст «Добротолюбия» вышел в свет в 1793 г., через одиннадцать лет после греческого издания.

По окончании этого труда иеромонах Филарет отпросился у митрополита Гавриила с должности управляющего подворьем и перешел в Ново-Спасский монастырь. Скоро он стал известен москвичам как высокодуховный старец (в схиме Феодор), наставлявший и утешавший приходивших к нему за советом. Он скончался в 1842 г. и был погребен в Ново-Спасском монастыре, а в 2004 г. прославлен в лике местночтимых московских святых.

Деятельность митрополита Гавриила в эпоху секуляризации в значительной степени определила дальнейшую судьбу русского монашества. Владыка поддержал и укрепил в иночестве то древнее направление, которое затем способствовало развитию старчества в XIX в.

*Автограф
митрополита Гавриила*

Последние годы и кончина иерархов

Возраст и болезни постепенно подтачивали силы митрополита Гавриила. В 1796 г. он испросил себе продолжительный отпуск в Новгород. Из писем Гавриила в этот период видно, что он уже тогда имел намерение проситься на покой. «...На амвоне стоять не могу, также и всходить на ступени без поддерживания... слишком тридцать лет был в Петербурге... кажется, служил довольно. Что делать, когда силы не соответствуют должности?»¹⁶⁷

Из Новгорода он приехал перед смертельной болезнью императрицы и должен был снова приняться за свое служение. Со вступлением на престол Павла I атмосфера при дворе стала более напряженной и беспокойной. Властный и неровный характер императора создавал тяжелую обстановку во всех правительственных учреждениях. Монарх хотел сам все знать и всем руководить, свое правление он начал с того, что лично ознакомился с течением дел. Побывал он и в Синоде, где застал синодальных членов «заседающих в полном присутствии». На его замечания по некоторым делам о разводах «вздумал было престарелый президент коллегии сей, благоговейный митрополит Гавриил, ответственность ему ссылакою на кормчую книгу..., но государь, вопреки всем приводимым ему статьям, предполагал другия места... с толиким основанием, что... заставил замолчать всех до одинаго»¹⁶⁸. В 1797 г. был сменен обер-прокурор Синода. В этой сложной обстановке Синоду во главе с Гавриилом удалось исходатайствовать у императора указ об освобождении духовенства, судимого в уголовных преступлениях, от телесного наказания. И хотя Павел питал доверие к старцу и часто обращался к нему с повелениями, бремя церковной власти становилось для больного митрополита все тяжелее.

Мысль об отставке не покидала владыку, но император его удерживал. В начале 1798 г. на просьбу об увольнении от Санкт-Петербургской епархии и дозволении удалиться в Новгород Павел разрешил лишь временный отпуск. В начале следующего года старец вновь просил и получил отпуск в Новгород для поправления здоровья. Из Новгорода он писал: «Я из келлии не выхожу. Болезнь моя так возсвирепела, что я опасался дурных следствий»¹⁶⁹. Перед Троицей он вернулся в Петербург, хотя силы его покидали. Император хотел перевести его в Киев, где южный климат был бы для него полезнее, но митрополит отказался: «...себя изведывая, не нахожу сил, чтобы принять правление назначаемыя мне епархии... я располагаюся просить увольнения от всех нынешних моих должностей». Но Павел вновь не отпустил его на покой, оставив митрополитом «Новгородским и Олонецким».

В конце 1799 г. больной и ослабевший митрополит удалился из столицы навсегда: «14 декабря поехал я из Петербурга; горячка и бред сопутствовали мне; едва помню, как в Новгород приехал, на руках меня внесли в покои... не надеялся прожить ту ночь, исповедывался и причащен запасными дарами, и силою благодати Христа моего жизнь моя оставлена. Я столько слаб, что ни встать, ни сесть, когда не подымут, не могу; ноги распухли, и не могу не только ходить, но и стоять... я ожидаю, чтобы узреть Спасителя моего и перейти в будущую жизнь»¹⁷⁰.

*Портрет
императора Павла.
Живописец
В. П. Боровиковский.
1800 г.
(фрагмент)*

*Никитский корпус
Новгородского кремля.
Рисунок В. Колгановой*

И все же старцу приходилось заниматься делами общецерковными и устроить епархию. Он писал своему преемнику Амвросию: «...нынешний месяц не только усиливает, но и умножает во мне болезни. Могу сказать, что я дожил до тех лет, о которых принуждаюсь сказать: несть ми в них хотения. Усерднейше молю Христа Спасителя, чтобы приял душу мою»¹⁷¹.

Последний год жизни владыки был омрачен тягостными мелочными счетами по сдаче имущества Санкт-Петербургского архиерейского дома и Александро-Невской Лавры. По описям выявились недостачи, что было вполне объяснимо при большом хозяйстве. Переписка тянулась до конца 1800 г. и доставила митрополиту немало горьких минут, но не поколебала его внутреннего покоя, поскольку все свое упование он возложил на Бога: «Я, оставив петербургскую епархию и приуготовляясь к кончине дней, положил, что без искушений прожить нельзя. Я молю Спасителя моего, чтобы меня укрепил своею благодатью... Если начеты пойдут, продам панагии и буду при всей моей невинности уплывать»¹⁷². В другом письме он писал о тех, кто был виновником недостач: «Я молю Христа Спасителя, чтоб не поставил им греха сего. Что делать! Без искушений прожить нельзя; надобно так и жизнь кончить»¹⁷³.

По прибытии в Новгород старец поселился в экономских келиях, потом перешел в брусовые, при которых на столбах была тесовая площадка с переходами на городскую стену. Уте-

шением его было кормить из своих рук голубей, которые садились ему на плечи и камиллаву. Затем он переселился в двухэтажные Никитские келии с домовым храмом свт. Никиты, еп. Новгородского. В нижнем этаже жили монашествующие, которые совершали богослужение, и духовник преосвященного иеромонах Герман, приехавший из Тихвинского монастыря. В храме свт. Никиты отправлялось ежедневное богослужение. Рядом была спальня митрополита, где он по своей немощи слушал Божественную службу и каждую неделю исповедовался и причащался Святых Таин.

По окончании службы преосвященный, если был в силах, выходил в залу для разбирательства дел; в этом ему помогали два члена консистории. Окончив дела, он возвращался в свою комнату обедать. Его обыкновенной пищей был горшочек риса с черносливом и немного белого хлеба. Отдохнув, владыка «до первого часу пополуночи» читал св. отцов и книги Священного Писания с помощью двух канонархов. Его домашнее хозяйство было поручено иеромонаху Иакову, который, как и прежний келейник Феофан, действовал без всякого отчета и по субботам раздавал милостыню.

Через год старец вновь обратился к монарху: «Продолжая 71-й год от рождения, не нахожу возобновления моих сил... они пришли в совершенный упадок... жизнь моя сокращается... прошу от управления новгородскою епархией меня уволить и пожаловать для пребывания моего Московской Симонов монастырь...» Эта естественная просьба, обусловленная желанием провести остаток дней на родине, вызвала гнев мнительного и вспыльчивого Павла. Престарелый митрополит был уволен без пенсии с ответом, что «вы милостями моими награждены уже весьма довольно»¹⁷⁴.

Спустя месяц после увольнения, 26 января 1801 г., митрополит Гавриил предал свою душу Господу.

Архимандрит Феофан писал в воспоминаниях: «Я за неделю до кончины был у него с о. Назарием; сидел с нами за столом, только уж очень мало кушал. ...Когда я был у него, говорил мне: «близка моя кончина». Приобщался перед смертью почти каждый день»¹⁷⁵.

Почувствовав приближение последнего часа, владыка призвал всех членов консистории, вызвал из Хутынского монастыря епископа Антония, но тот его в живых уже не застал, как и приехавший для посещения архимандрит Юрьева монастыря Михаил Десницкий (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский.) Скончался владыка «в 3 часа пополуночи», сидя на софе, в присутствии членов консистории. Умирая, он просил, чтобы не взыскивали с его должников. Оставшиеся деньги завещал на бедных учеников Новгородской семинарии, Санкт-Петербургской академии и для раздачи по новгородским церквям. Часть драгоценных вещей велел оставить в Софийском соборе; прочие продать, с тем, чтобы деньги отослать в Тобольск брату для раздачи по его усмотрению. Свою обширную библиотеку он разделил между Тобольском, Великим Устюгом и библиотеками Петербургской академии и Новгородской семинарии.

31 января 1801 г. его тело было предано земле в новгородском Софийском соборе в юго-западном углу придела Иоанна Предтечи, в котором покоились мощи св. Иоанна Новгородского. Погребение было проведено епископами Антонием и Виктором, у собравшихся текли слезы, в церкви были слышны рыдания. «Надгробное слово хотел я говорить, — писал преос-

*«Не довольно
Христианину претерпеть
какое-либо искушение,
он должен быть готов на
все, так дело его, так вера
его пребудет совершенной...
Душите лице иерие,
не ужасайтесь угроз мира,
не будьте таковы, чтобы
в спокойное время
веровать, а во время
напастей отпадать от веры».*

Митрополит Гавриил

*Надгробная табличка на
месте погребения
митрополита Гавриила
в новгородском Софийском
соборе*

вященный Антоний, — но по обстоятельствам поручил Антониевскому архимандриту Флавиану; известно, что и им оно произнесено не было»¹⁷⁶.

Получив весть о кончине митрополита Гавриила, в Александро-Невской Лавре по успешному совершил панихиду его преемник Амвросий Подобедов: «Владыка много слез лил, да и монахи тоже», — писал Евгений Болховитинов.

Место упокоения владыки Гавриила было выбрано преосвященным Антонием. На надгробной плите в полу сделана надпись, которую можно видеть и теперь: «Здесь погребено тело Гавриила, митрополита Новгородского и Олонецкого, скончавшагося 1801 г. января 26 дня».

В 1857 г. Новгородский митрополит Григорий писал: «При бывших переделках в Новгородском соборе... потревожены были два гроба, лежащие рядом. Младший — почти весь истлел, истлело и то, что в нем было... Другой гроб — старший — очень крепок и нетленно все, что в нем положено, особливо евангелие. Это гроб митр. Гавриила, предшественника Амвросия... Сказывают, что по высокопреосв. Гаврииле многие служат панихиды, больные зубами, и получают исцеление. Это взялось от предания, которое говорит, что высокопреосвященный лечил от зубной боли во время своей жизни»¹⁷⁷. Традиция совершения панихид по митрополиту Гавриилу в День его Ангела в новгородском Софийском соборе сохранялась до советского времени.

Архиепископ Варлаам пережил младшего брата почти на два года. Всегда помышляя о смертном часе и готовясь к исходу из здешнего мира, он мало обращал внимания на свое здоровье. Все внимание его было направлено на врачевание душ, вверенных ему Спасителем.

За годы епископства ему вместе с епархией пришлось пережить немало невзгод. Святитель помогал своей пастве молитвой, наставлениями и милостыней, которую он, как и митрополит Гавриил, творил непрестанно.

Одним из тяжких испытаний стал Пугачевский бунт, охвативший огромную часть территории Тобольской епархии. Толпы мятежников во многих городах и уездах епархии грабили и убивали всех верных правительству, не щадя и священнослужителей: у них жгли дома, кололи пиками, рубили саблями, мучили семейства. Часть клира в захваченных мятежом местностях перешла на сторону Пугачева (некоторые из страха перед жестокой расправой, а другие, поверив самозваному Петру III). Преосвященный Варлаам написал и разослал по епархии «для чтения священниками в церквях и других многолюдных собраниях» горячее назидательное увещание. Он также направлял в духовные правления предписания и наставления, как духовенству действовать в этих смутных обстоятельствах. Некоторые соседние с мятежными уезды для укрепления духовенства владыка посетил лично¹⁷⁸.

*Суд Пугачева.
Художник В. Перов.
1879 г.*

*Иоанновский
Междугорский
монастырь.
Фото В. Царкова*

В 1784 г. он оказывал помощь и поддержку духовенству и горожанам, пострадавшим от сильного наводнения. Вода поднялась так, что в Знаменском монастыре в алтаре Преображенской церкви доходила до окон нижнего этажа и залила внутренность церкви на аршин.

В апреле 1788 г. в Тобольске случился большой пожар. Сгорело более полутора тысяч домов и множество церквей, а также Знаменский монастырь с семинарией. Преосвященный Варлаам укреплял дух погорельцев надеждой на милость Божию, помогал посильной милостью. Много трудов он предпринял, чтобы восстановить сгоревшие церкви. При Божией помощи и усердии тобольцев храмы были возобновлены и освящены в течение двух лет.

Владыка заботился об украшении святынь и сохранении древностей епархии. Старанием преосвященного в 1777 г. в кафедральном соборе на древней (времен покорения Сибири) чудотворной иконе Господа Вседержителя, по свидетельству летописи просиявшей «в предивных и славных чудесах и во исцелении тяжких различных недугов», была сделана серебряная золоченая риза. В 1791 г. при разборке обветшавшего Троицкого собора в Спасскую церковь были перенесены иконостас, утварь и святыни, в том числе Нерукотворенный образ Спасителя, присланный царем Федором Иоанновичем.

Преосвященный Варлаам проявлял интерес к истории Сибири. В 1791 г. написанная им книга «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах...» была выпущена первой в Сибири частной типографией Корнильевых, устройству которой архипастырь также немало способствовал и дал на ее создание свое благословение. Изданные книги были разосланы по монастырям епархии.

Владыка не любил роскоши, не желал славы и отличий мира. Но по обязанности своего сана он участвовал в государственных торжествах, таких как открытие Тобольского наместничества в 1782 г. Оно состоялось с небывалой в Сибири пышностью. Преосвященный Варлаам с духовенством совершил молебен в тронной зале наместнического дворца, где находился трон императрицы, обитый малиновым бархатом и обложенный золотым позументом. Над тронном были расположены императорская корона, скипетр, держава и золоченые гербы губерний. Зал украшали портреты высочайших особ¹⁷⁹. Императрица рескриптом от 19 января просила епископа Варлаама «архипастырскими молитвами содействовать возрастанию желанных плодов насаждаемого ею блага, суда и права»¹⁸⁰.

В 1776 г. Екатерина прислала святителю саккос, омофор, епитрахиль и палицу из «серебряного дордра», в 1790 г. — облачение «из парчи серебряной с шелковыми голубыми цветами, обложенное золотым газом с крестами и звездами из того же газа», как значилось в описи архиерейской ризницы. В 1792 г. преосвященный Варлаам был пожалован саном архиепископа, в 1796 г. — алмазным крестом на клобук.

Последующие монархи также удостаивали владыку знаками своего внимания. Павел I сопричислил его к ордену св. Анны I степени. Император Александр в 1801 г. наградил орденом св. Александра Невского¹⁸¹.

В редкие дни отдыха от епархиальных забот святитель уединялся для молитвенных подвигов, уезжая в любимый им древний Междугорский Иоанновский монастырь в 10 верстах от Тобольска и проводя там по нескольку дней в посте и затворничестве.

Скромность и молитвенность этой обители подчеркивалась самой природой: две горы, между которыми расположен монастырь, и окружающие его с одной стороны березовые рощи, а с другой сосновый лес как бы служили ему покрывалом, отгораживая от мирской суеты. Сюда преосвященный Варлаам поместил и прибывших к нему с острова Коневец прпп. пустынников Василиска и Зосиму, искавших уединения, которым по окончании зимы дал, по их просьбе, письменное дозволение жить в его епархии там, где изберут себе место.

Благоустраивая эту обитель, владыка построил каменные корпуса с теплой Казанской церковью, ризницею, казнохранилищем и настоятельскими кельями. Святитель своими руками посадил в монастыре кедр.

Владыка был радушен и гостеприимен. В воскресные дни и другие праздники после обедни к нему собиралось духовенство и уважаемые горожане и «при усердном скромном угощении находили назидательную для духа беседу». Святитель нередко посещал в храмовые праздники

*Знак ордена
св. Анны I степени.
Конец 18 в.*

*Трон императрицы
Екатерины Великой*

1793. Маія 23 Св. Книгу Хранитв в Спасо Емвѣиеналѣ
Митриѣ Вривншт. монастирской.

Не столько по мнѣваніи карбонизма дѣла
въ св. книгѣ, сколько по убавленіи вышедши
ной надписи Достапашаго Владика Тобольскаго,
возвращая св. книгу въ свое вѣдѣніе
Мухомѣ, вѣдѣніе Вривншт. мѣр.

№ 334
17 Октября 1825 г.
199
Въ архивѣ № 116.

Изъ книги Чернышевскаго гродскаго мемо-
риал-археологическаго музея.
г. Чернышевъ, Костромской губ. 1 Января 1909 г.

Завѣдующій Музеемъ
Вратъ Паладина

Переданъ въ вѣдѣніе Императорскаго
Историческаго Общества 30 Января 1909 г.
Исполнитель Чернышевскаго Погребнаго Дѣла въ 30 Января 1909 г.

КРАТКОЕ ПОКАЗАНИЕ

О БЫВШИХЪ КАКЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ, ТАКЪ И ВО ВСѢХЪ СИ-
БИРСКИХЪ ГОРОДАХЪ И ОСТРОГАХЪ СЪ НАЧАЛА ВЗЯТІЯ
СИБИРСКАГО ГОСУДАРСТВА, ВОЕВОДАХЪ И ГУБЕРНА-
ТОРАХЪ, И ПРОЧИХЪ ЧИНАХЪ; И КТО ОНИ
ИМЯННО, И ВЪ КАКИХЪ ГОРОДАХЪ
БЫЛИ; И КТО КАКОЙ ГОРОДЪ
СТРОИЛЪ, И КОГДА.

Писанное въ Тобольскомъ домѣ Архіерейскомъ,
1791 года.

Варлаамъ Варлаамовичъ Тобольскій,
Смисленскаго Спаснаго Монастыря.

Печатано съ дозволенія Управы Благочіія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,

Въ Типографіи у Василья Коркмяева.
1792 года.

Титульный лист книги,
написанной свт.
Варлаамом и.и. с его
автографом.
1792 г.
Российская национальная
библиотека

*Надгробная табличка
из захоронения
святителя Варлаама*

тобольские церкви и после совершения литургии навещал кого-либо из прихожан. Во время такого общения он назидал собеседников к благочестивой жизни и внушал благоговение к вере.

Чистота сердца, благодатное смирение и благочестие, которыми он сиял среди паствы, еще при жизни дали ему звание «мужа евангельской кротости и праведной жизни». «Сердце имел он кроткое и умиленное, веру живую, любовь к Богу пламенную, смиренномудрие глубокое и чудесное, христианство мужественное, простое, высокое, как и самое Евангелие»¹⁸², свидетельствовал близко знавший святителя Иркутский епископ Михаил Бурдуков.

Снисходительный и для всех доступный, владыка был особенно сострадателен и добр к бедным и несчастным. Как и у митрополита Гавриила, каждую субботу в архиерейский дом собирались нищие; экононом выносил медную чашу с деньгами и раздавал, сколько потребуется. От святителя регулярно посылалась милостыня в остроги и богадельни. Нестыжатость его происходила из глубокой веры в евангельские истины. По словам биографа, вся жизнь архиепископа Варлаама в том и состояла, чтобы «раздавать то, что принадлежало его достоянию»¹⁸³.

Мягкий, ласковый со всеми, он был строг только к самому себе. Его келейная жизнь, которую он скрывал от других, была полна духовных подвигов. Он спал на голых досках, большую часть ночи проводил в молитве, как и брат, был весьма умерен в пище.

Более 30 лет трудился святитель на Tobольской кафедре. Его телесные силы начали постепенно слабеть. 18 декабря 1802 г. преосвященный от простуды заболел горячкой. Во время болезни он пособоровался и приобщился Святых Таин. 27 декабря, на 74 году жизни, святитель мирно почил в Бозе.

В прощании с архипастырем участвовал весь Tobольск. 15 января 1803 г. гроб святителя вынесли из домового архиерейской церкви в Tobольский кафедральный собор, где в приделе Иоанна Златоуста было совершено отпевание и погребение.

Владыка Варлаам завещал похоронить себя возле Tobольского митрополита Иоанна Максимовича, которого благоговейно почитал. Могила митрополита Иоанна находилась у северной стены в алтаре, а могила преосвященного Варлаама была устроена возле той же стены в храмовой части. Над местом его погребения был поставлен деревянный памятник с атрибутами архиерейского служения, сооруженный tobольским купцом Иваном Лукиматушкиным, на себе испытавшим прозорливость святителя Варлаама*.

Отпевание святителя было совершено градским духовенством, надгробное слово сказал один из любимых учеников святителя — архимандрит Михаил Бурдуков. В марте по просьбе жителей, специально для заупокойного богослужения по преосвященному Варлааму, в Tobольск приезжал Пермский епископ Иустин. Ежегодно на службы в день памяти святителя, по воспоминаниям его преемника Антония Знаменского, «в собор собирался весь город»¹⁸⁴.

Преосвященный Варлаам при жизни раздал большую часть своего имущества. Семинарии он оставил часть своей библиотеки; в Софийский собор вложил напрестольный серебряный крест с гравировкой «1792 г.»; в церковь Иоанновского Междугорского монастыря пожертвовал Евангелие в лист, в бархате, с серебряными золочеными изображениями Воскресения Христова и четырех Евангелистов, с собственноручною надписью «дал сие Евангелие в Иоанновский монастырь Варлаам архиепископ Tobольский и Сибирский 799 г. июня в 24 день»¹⁸⁵.

В 1984 г. старанием епископа Омского и Тюменского Максима (сконч. 2002) по благословению Святейшего патриарха Пимена святитель Варлаам был прославлен в Соборе Сибирских святых. Празднование было установлено 10/23 июня — в один день с памятью особо чтимого им при жизни святителя Иоанна Tobольского.

В августе 2005 г. при реставрации Софийского собора, во время работ по вскрытию полов, было найдено захоронение и произошло обретение мощей святителя Варлаама. 26 августа по благословению архиепископа Tobольского и Тюменского Димитрия перед вскрытием захоронения был отслужен молебен святителю Варлааму. Работы по разборке гробницы и обретению мощей святителя продолжались три дня. При вскрытии склепа на внутренней стороне была обнаружена оловянная табличка с надписью: «Преосвященный Варлаам, архиепископ и кавалер; правивший Tobольскою епархией 34 года. Уроженец Московский. Постриженец Киевский. Преставился 1802 года декабря 27 дня. 73 лет».

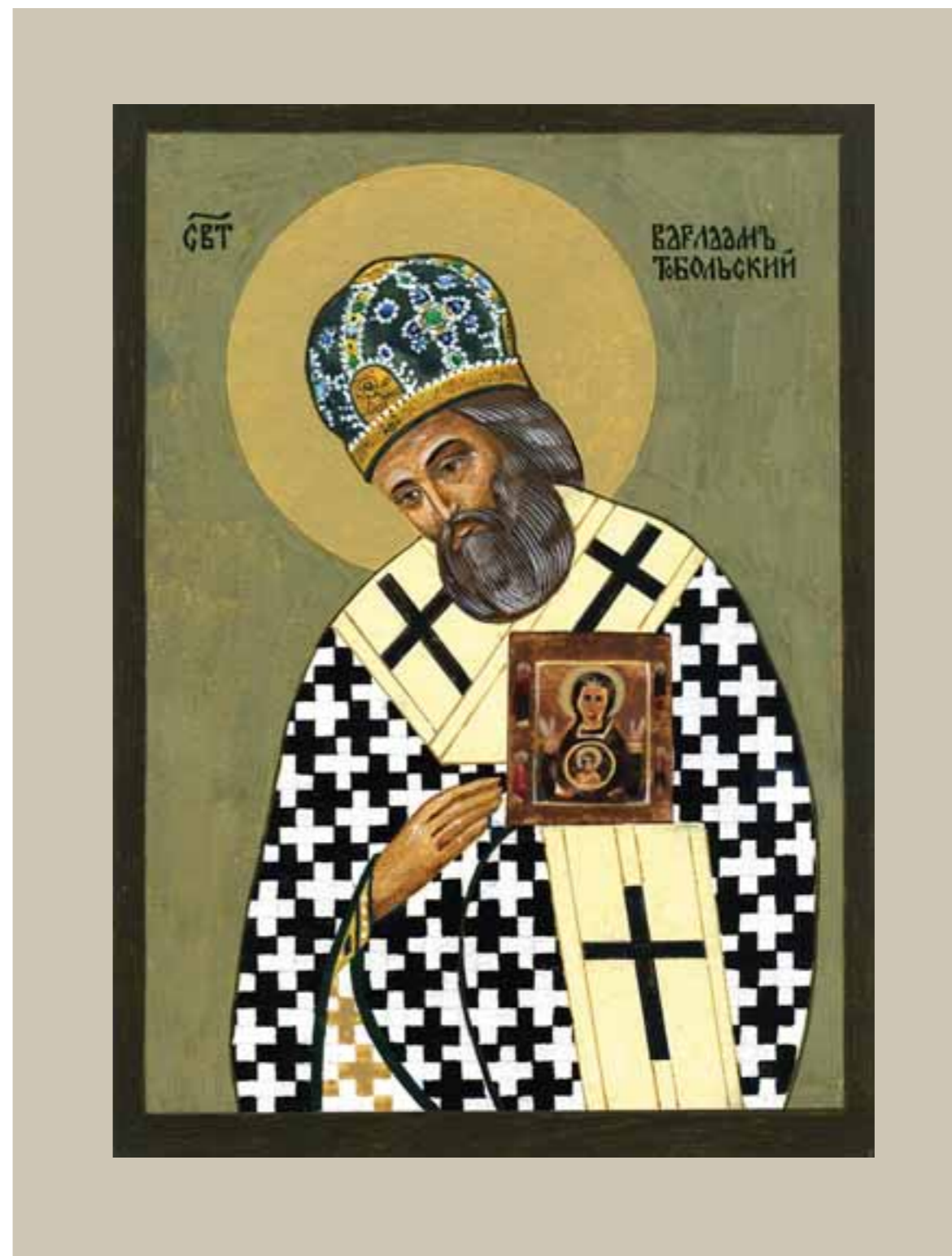
* Позднее памятник был разобран из-за тесноты в приделе.

*Тобольский Софийско-Успенский собор,
где погребен
святитель Варлаам.
Фото В. Черкова*

30 августа обретенные мощи святителя были переложены в новый гроб и с пением «Трисвятого» перенесены в алтарь Софийско-Успенского собора. В настоящее время в соборе продолжается реставрация. В дальнейшем для мощей святителя Варлаама будет сооружена рака, которую планируется поместить для поклонения на том же месте, где было обнаружено его захоронение¹⁸⁶.

Преосвященные Варлаам и Гавриил Петровы оставили по себе добрую память, не угасшую с годами. Их пример особенно поучителен в наше время, когда под идеями свободы и толерантности (провозглашенными в России еще «императрицей-философом») уже ясно просматривается нравственный нигилизм, попустительство пороку, безразличие к Истине и духовным ценностям наших предков. История жизни братьев свидетельствует, что верность Церкви, неуклонное следование Евангельскому учению и труд по воспитанию в себе христианских добродетелей не бывают посрамлены уже в земной жизни и приносят несомненный плод в жизни вечной.

*«...Да обратится душа
ваша к Богу и вечности,
да восхвалит вас
Церковь, да прославит
Вышній, да насладится
в сей жизни сердце ваше
предвкушению и вечных
благ».*

Митрополит Таврич.

*Святитель Варлаам
Тобольский.
Икона 21 в.*

Примечания

- ¹ Годубинский Е. Е. К нашей полемике с старообрядцами. М., 1906. С. 27.
- ² Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 183.
- ³ Там же. С. 164–165.
- ⁴ Там же. С. 462.
- ⁵ Там же. С. 245.
- ⁶ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. Стб. 937.
- ⁷ Свящ. Металлов В. М. Синодальные бывшие патриаршие певчие. СПб., 1898–1901. Т. 1–2. С. 39.
- ⁸ Полн. собр. Постановлений и Распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2. С. 438.
- ⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 267. Л. 232 об.
- ¹⁰ Старческие советы Феофана Новозерского. М., 2000. С. 213.
- ¹¹ Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академии. Киев, 1856. Ч. 2. С. 290–291.
- ¹² Старческие советы... С. 213.
- ¹³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 267. Л. 232 об., 245 об.
- ¹⁴ Титлинов Б. В. Гавриил Петров митроп. Новгородский и С.-Петербургский: Его деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С. 4.
- ¹⁵ Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны... С. 170.
- ¹⁶ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 12.
- ¹⁷ Там же. С. 6.
- ¹⁸ Там же. С. 12–13.
- ¹⁹ Архимандрит Макарий. Сказание о жизни и трудах преосвященного Гавриила, митрополита Новгородского и Санктпетбургскаго. СПб., 1857. С. 6.
- ²⁰ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 13.
- ²¹ Там же. С. 14.
- ²² Там же. С. 15.
- ²³ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 8.
- ²⁴ Москвитянин. 1849. № 4. С. 37.
- ²⁵ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 17.
- ²⁶ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 53.
- ²⁷ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 17–19.
- ²⁸ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 10.

- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 13.
- ³¹ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 24–25.
- ³² Там же.
- ³³ Прот. Василий Смиречанский. Историческо-статистический сборник сведений о Псковской епархии. Остров, 1895. С. 115.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 24.
- ³⁶ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 13.
- ³⁷ Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем... Ч. 2. С. 290–291.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Старческие советы... С. 213.
- ⁴⁰ РГБ. Ф. 303.1. Рукопись 782. Указы 1761 г. Л. 421.
- ⁴¹ Там же. Л. 539.
- ⁴² Там же. Л. 556.
- ⁴³ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 15.
- ⁴⁴ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 37.
- ⁴⁵ Там же. С. 31.
- ⁴⁶ Там же. С. 34.
- ⁴⁷ Там же. С. 38–39.
- ⁴⁸ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 18.
- ⁴⁹ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 43.
- ⁵⁰ Там же. С. 45.
- ⁵¹ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 19.
- ⁵² Титлинов Б. В. Гавриил Петров. С. 44. На эту кафедру был в то же время возведен друг Гавриила Иннокентий Нечаев.
- ⁵³ Там же. С. 52.
- ⁵⁴ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 471.
- ⁵⁵ Там же. С. 457.
- ⁵⁶ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 50.
- ⁵⁷ Там же. С. 107.
- ⁵⁸ Там же. С. 76.
- ⁵⁹ Тверские епархиальные ведомости. Тверь, 1887. № 13. С. 452–453.
- ⁶⁰ Колосов В. История тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 144.
- ⁶¹ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 68.
- ⁶² РГБ. Ф. 303.1. Рукопись 782. Указы 1761 г. Л. 721.

- ⁶³ Свящ. Загорский Ф. В. Погост Любятово, Псковской епархии и уезда (Исторический очерк). Псков, 1905. С. 14.
- ⁶⁴ Старческие советы... С. 213.
- ⁶⁵ Успенский В. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. Тверь, 1887. С. 106–108.
- ⁶⁶ Псковские летописи. М-А., 1941. Т. 1. С. 116.
- ⁶⁷ Иконопись из собрания Третьяковской галереи. М., 2006. С. 106–107.
- ⁶⁸ Успенский В. Историческое описание... С. 107.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 88. Л. 77–90.
- ⁷⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Т. 77. Д. 28547. Л. 8, 12.
- ⁷¹ ГАТО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 87. Л. 17.
- ⁷² Там же. Д. 88. Л. 35.
- ⁷³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Т. 77. Д. 28547. Л. 8 об., 12.
- ⁷⁴ Там же. Д. 28621. Л. 3–4.
- ⁷⁵ Там же. Д. 28547. Л. 28.
- ⁷⁶ Иером. Илиодор. Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861. С. 1.
- ⁷⁷ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 272.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. С. 130–131.
- ⁸⁰ Там же. С. 137.
- ⁸¹ Там же. С. 155.
- ⁸² Архимандрит Макарий. Сказание... С. 26.
- ⁸³ Там же. С. 31.
- ⁸⁴ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 163.
- ⁸⁵ Щербатов. М. О повреждении нравов в России. // Русская старина. 1871. С. 686.
- ⁸⁶ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 163.
- ⁸⁷ Там же. С. 274.
- ⁸⁸ Щербатов М. О повреждении нравов. С. 686.
- ⁸⁹ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 452.
- ⁹⁰ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 3. С. 114–121.
- ⁹¹ Записки о жизни времени Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 223.
- ⁹² РГИА. Ф. 796. Оп. 55. Д. 5. Л. 5–5 об.
- ⁹³ Гавриил (Петров). Вопреки веку Просвещения: Жизнь. Твор-

- чество. Кончина. М., 2000. С. 125–126.
- ⁹⁴ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 289.
- ⁹⁵ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 44.
- ⁹⁶ Бернулли И. Записки. // Русский архив. М., 1902. Кн. 1. С. 26.
- ⁹⁷ Архимандрит Макарий. Сказание. С. 94.
- ⁹⁸ Письма новгородского митрополита Гавриила к архиепископу казанскому Амвросию. // Русский архив. М., 1895. Кн. 3. С. 300.
- ⁹⁹ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 98.
- ¹⁰⁰ Старческие советы... С. 221.
- ¹⁰¹ Там же. С. 215.
- ¹⁰² Там же. С. 207.
- ¹⁰³ Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра, 1713–1913 гг.: Историческое исследование. СПб., 1913. С. 715
- ¹⁰⁴ Там же. С. 723–724.
- ¹⁰⁵ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 60.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 47–48.
- ¹⁰⁷ Скворцов Н. А. Материалы по Москве и Московской епархии за 18 в. М., 1911. Ч. 1. С. 75.
- ¹⁰⁸ Гавриил (Петров). Вопреки... М., 2000. С. 190.
- ¹⁰⁹ Сумароков А. П. Полн. собр. соч. СПб., 1787. Ч. 6. С. 282–283.
- ¹¹⁰ Сухомлинов. М. И. История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 126.
- ¹¹¹ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 1167.
- ¹¹² Сухомлинов М. И. История Российской Академии. С. 134.
- ¹¹³ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 121.
- ¹¹⁴ Там же. С. 124.
- ¹¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 77. Д. 448.
- ¹¹⁶ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 884.
- ¹¹⁷ Иоаннов А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях. СПб., 1799. С. 415–416.
- ¹¹⁸ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 91–92.
- ¹¹⁹ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 271.
- ¹²⁰ Титлинов Б. В. Павел Конюшкович, митрополит Тобольский, // Христианское чтение. 1914. № 9. С. 1114–1115.
- ¹²¹ Сулоцкий А. И. Сочинения в 3 т. Тюмень, 2000. Т. 2. С. 543.
- ¹²² Титлинов Б. В. Павел Конюшкович... С. 1112.
- ¹²³ Там же. С. 1113.
- ¹²⁴ Там же. № 10. С. 1234.
- ¹²⁵ Там же. № 9. С. 1098.

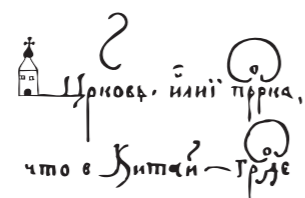
СОДЕРЖАНИЕ

<p>¹²⁶ Судницын А. Н. Тобольские епархиальные ведомости. 1893. № 21–22. С. 412.</p> <p>¹²⁷ Там же.</p> <p>¹²⁸ Там же. С. 414.</p> <p>¹²⁹ Там же. С. 416.</p> <p>¹³⁰ Николай Абрамов. Варлаам I Петров архиепископ Тобольский и Сибирский // Странник. 1862 г. Октябрь. С. 6.</p> <p>¹³¹ Православная энциклопедия Т. 6. М., 2006 С. 607–608.</p> <p>¹³² Николай Абрамов. Варлаам I. С. 11.</p> <p>¹³³ Сулоцкий А. И. Указ. соч. Т 2. С. 541–542.</p> <p>¹³⁴ Николай Абрамов. Варлаам I. С. 9.</p> <p>¹³⁵ Титлинов Б. В. Гавриил Петров. С. 157.</p> <p>¹³⁶ Гавриил (Петров). Вопреки... С. 199.</p> <p>¹³⁷ Там же.</p> <p>¹³⁸ Проф. Николай Субботин. Архимандрит Феофан настоятель Кириллова Новозерского монастыря. // Странник. 1862. Март. С. 109.</p> <p>¹³⁹ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 72–74.</p> <p>¹⁴⁰ Проф. Николай Субботин. Архимандрит Феофан. С. 116–123.</p> <p>¹⁴¹ Там же. С. 144.</p> <p>¹⁴² Спиридонов А. М., Яровой О. Я. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия. М., 1991. С. 80.</p> <p>¹⁴³ Там же. С. 70–71.</p> <p>¹⁴⁴ Там же.</p> <p>¹⁴⁵ Там же. С. 80.</p> <p>¹⁴⁶ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 64.</p> <p>¹⁴⁷ Старческие советы... С. 216.</p> <p>¹⁴⁸ Валаамский монастырь. СПб., 1864. С. 65.</p> <p>¹⁴⁹ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 64.</p> <p>¹⁵⁰ Валаамский монастырь. С. 103–132.</p> <p>¹⁵¹ Спиридонов А. М., Яровой О. Я. Валаам... С. 84–85.</p> <p>¹⁵² Валаамский монастырь. С. 68.</p> <p>¹⁵³ Спиридонов А. М., Яровой О. Я. Валаам... С. 86.</p> <p>¹⁵⁴ Старческие советы... С. 212–213.</p> <p>¹⁵⁵ Там же. С. 216.</p> <p>¹⁵⁶ Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. С. 640.</p> <p>¹⁵⁷ Жития и подвиги в Боге почившего старца монаха Василиска. М., 1899. С. 23, 31, 35–37.</p> <p>¹⁵⁸ Архимандрит Макарий. Сказание... С. 69.</p> <p>¹⁵⁹ Гавриил (Петров). Вопреки... С. 211.</p> <p>¹⁶⁰ Там же. С. 206.</p> <p>¹⁶¹ Там же. С. 205.</p>	<p>¹⁶² Там же. С. 206.</p> <p>¹⁶³ Письма новгородского митрополита Гавриила к архиепископу казанскому Амвросию // Русский архив. М., 1895. кн. 3. С. 299–300.</p> <p>¹⁶⁴ Там же. С. 297.</p> <p>¹⁶⁵ Гавриил (Петров). Вопреки... С. 211.</p> <p>¹⁶⁶ Там же.</p> <p>¹⁶⁷ Письма. С. 293.</p> <p>¹⁶⁸ Деяния и анекдоты имп. Павла. Из записок А. Т. Болотова. // Русский Архив. М., 1864. С. 766–768.</p> <p>¹⁶⁹ Письма. С. 297.</p> <p>¹⁷⁰ Там же. С. 298.</p> <p>¹⁷¹ Там же. С. 311.</p> <p>¹⁷² Там же. С. 306.</p> <p>¹⁷³ Там же. С. 310.</p> <p>¹⁷⁴ Титлинов Б. В. Гавриил Петров... С. 1190.</p> <p>¹⁷⁵ Старческие советы... С. 222.</p> <p>¹⁷⁶ Мартос А. Гавриил, митрополит Новгородский // Сын отечества. 1830. № 27. С. 41–42.</p> <p>¹⁷⁷ Письма духовных и светских лиц к московскому митрополиту Филарету, изд. А. Львовым, СПб., 1900. С. 100–101.</p> <p>¹⁷⁸ Сулоцкий А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 545.</p> <p>¹⁷⁹ Тобольские губернские ведомости. Тобольск. 1858. №29. С. 17–18.</p> <p>¹⁸⁰ Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 262.</p> <p>¹⁸¹ Там же. С. 264.</p> <p>¹⁸² Иркутские Епархиальные Ведомости. Иркутск. 1877. №18. С. 255–261.</p> <p>¹⁸³ Абрамов Н. А. Город Тюмень. С. 265.</p> <p>¹⁸⁴ Сулоцкий А. И. Указ. соч. Т 2. С. 547.</p> <p>¹⁸⁵ Николай Абрамов. Варлаам I. С. 21.</p> <p>¹⁸⁶ Материалы об обретении мощей свт. Варлаама предоставлены Издательско-информационным отделом Тобольско-Тюменской епархии.</p>	<p>ДЕТСТВО БУДУЩИХ ИЕРАРХОВ 3</p> <p>ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА 10</p> <p>ПРИНЯТИЕ МОНАШЕСТВА 15</p> <p>ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ВОЗРАСТАНИЕ ГАВРИИЛА 18</p> <p>ВАРЛААМ – ОТ ИЕРОМОНАХА ДО ЕПИСКОПА 23</p> <p>«МУЖ ОСТРЫЙ И РЕЗОНАБЕЛЬНЫЙ» 27</p> <p>ГАВРИИЛ – ПЕРВЕНСТВУЮЩИЙ ИЕРАРХ 30</p> <p>«ГАВРИИЛ ПОДОБЕН РЕКЕ, БЕЗ ШУМА НАПОЛНЯЮЩЕЙ БЕРЕГА СВОИ...» 38</p> <p>«ВАРЛААМЕ! ГРЯДИ ВО ИМЯ МОЕ!» 46</p> <p>МИТРОПОЛИТ ГАВРИИЛ – УСТРОИТЕЛЬ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 53</p> <p>ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И КОНЧИНА И ЕРАРХОВ 63</p> <p>ПРИМЕЧАНИЯ 76</p>
--	---	--

Составитель Берхина Т. Г.

Благодарим за предоставленные материалы:

- Издательско-информационный отдел Тобольско-Тюменской епархии
- Российскую национальную библиотеку
- Государственный Эрмитаж
- Государственный архив Тверской области
- Центральный исторический архив Москвы

©Храм пророка Божия Илии

Москва 2010